

Константин Бояндин

Мозаика

книга 1

Шамтеран IV

Константин Бояндин

Мозаика. Книга 1

«Издательские решения»

Бояндин К. Ю.

Мозаика. Книга 1 / К. Ю. Бояндин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902765-8

Она потеряла всё — дом, близких, друзей; её повсюду преследуют опасности, но всякий раз таинственная сила не позволяет ей погибнуть. Всех, кто повстречался ей на пути, ожидают тяжёлые испытания — и не всегда удаётся преодолеть их, оставшись в здравом уме и твёрдой памяти...

ISBN 978-5-44-902765-8

© Бояндин К. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Книга 1. Без имени	6
1. Четвёртый раз	6
2. Кровь и грязь	10
3. Небо в огнях	17
4. Цепная реакция	30
5. Дождь и грязь	38
6. Юридические тонкости	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Мозаика Книга 1

Константин Юрьевич Бояндин

© Константин Юрьевич Бояндин, 2018

ISBN 978-5-4490-2765-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книги цикла «Шамтеран»

Ступени из пепла

Пересечение обстоятельств

Книга Снов

Мозаика (трилогия)

Туманные тёмные тропы

Песни моря

Книга 1. Без имени

1. Четвёртый раз

Инспектор выждал пять минут, но задержанная продолжала хранить молчание. Вежливое, если применимо это слово. Смотрела на инспектора – ни разу не взглянув прямо в глаза – улыбалась, сохраняя почтительное выражение лица.

Разумеется, он её знал. Такую трудно не запомнить. Даже если бы не её привычка находить неприятности, одного внешнего вида было бы достаточно. Светлая, очень светлая кожа – необычная даже для юга Тераны, откуда задержанная прибыла четыре года и одиннадцать месяцев назад. Условное имя – эль—Неренн, без гражданства, статус – В2 (право на получение гражданства через два года), три штрафных балла, без постоянного места жительства, без постоянного источника дохода...

Сплошные «без». Помимо светлой кожи и высокого роста, эль—Неренн отличалась белыми волосами (удивительно ухоженными, учитывая её образ жизни) и красными глазами. Тёмно—красными, с золотыми прожилками глазами. Нескладная, с резкими чертами лица – как говорят, словно из полена вырубил. Утверждает, что родом с Тирра. В профиль действительно походит на тамошних жителей – прямой нос, тонкие губы, высокий лоб. И руки – из—за того, что проступают вены, производят не очень приятное впечатление.

Альбинос. Инспектор в очередной раз припомнил строчку из школьного учебника. Альбиносы – менее одной миллионной всего населения планеты.

Задержанная точно так же разглядывала инспектора. Хотя видела его, и не только в этом кабинете, многие десятки раз. Как и многие коренные жители республики, желтокожий, желтоглазый и черноволосый – правда, бледноват; видно, что подолгу не выходит на солнечный свет. Изборождённый морщинами лоб, вечная, въевшаяся усмешка, усы жёсткой непослушной щёткой и коротко стриженные волосы. И непрменные табачные крошки в усах. Да, Тигарр едва заметно прихрамывает – видимо, последствия ранения.

За спинкой стула, на котором сидела задержанная, возвышался сержант. Каменное, спокойное выражение лица. Немудрено: за день успеваешь повидать такое, что альбинос не вызовет никакого интереса.

– Не скажу, что рад тебя видеть, эль—Неренн, – инспектор положил на стол толстую папку. Нет ничего ужаснее работы в провинции. Из всех провинций республики наихудшая – самая западная, Рикетт, граничащая с графством Тессегер. Куда традиционно стремятся все нелегальные иммигранты. Рикетт, с его тремя портами – давняя перевалочная база.

Как и многих других до неё, эль—Неренн взяли при попытке перейти границу. Как и прочие до неё, она пыталась пробраться в графство. И было это три с половиной года назад. С тех пор у инспектора Тигарра появилась новая головная боль. Белая, как снег, долговязая, острая на язык головная боль.

– Так отпустите, – отозвалась девушка. – Это просто.

– Что на этот раз?

– У вас всё записано, инспектор, – последовал ответ. – Я уже трижды рассказывала.

– Расскажешь ещё раз.

– С удовольствием, инспектор, – она улыбнулась. Клыки – просто загляденье. Как она сумела сохранить зубы в идеальном порядке? Денег у неё не водится, а искусственные зубы стоят немало. – Подробно или вкратце?

– Вкратце. Только факты.

– Сглаз, – она смотрела инспектору в глаза, продолжая улыбаться. – Бывшие хозяева, да продлятся их дни, решили, что я виновата в их несчастьях.

Инспектор заглянул в папку.

– Два перелома ног, ограбление, разбойное нападение, автокатастрофа... Интересно. Пять инцидентов за неделю. Твоя работа?

Альбиноска пожала плечами. Молча.

– Тебе они чем—то не понравились? – инспектор сделал знак сержанту, тот кивнул и вышел. В данном случае можно поговорить с ней наедине, не опасно: первая же попытка нападения поставила бы жирный крест на её будущем. Есть ошибки, которые можно совершить лишь однажды. И эль—Неренн об этом прекрасно знает. – То есть я понимаю, чем не понравились. Но зачем так—то?

Эль—Неренн молчала.

– Пять с половиной месяцев назад ты сбежала от них, – инспектор встал из—за стола, шагнул к окну, выглянул наружу. – Похитила дочь хозяйки дома. Я не знаю, что там у вас случилось на самом деле, но дом Рекенте не стал подавать в суд. Чудо, не находишь?

Он взглянул на эль—Неренн.

Та пожала плечами, продолжая улыбаться.

– Тебе весело? – инспектор уселся в кресло. – Вчера дом подал официальную жалобу. Все пять инцидентов случились, когда тебя видели поблизости от пострадавших. Ты понимаешь, что это означает?

– Думаю, ничего хорошего, – последовал неожиданный ответ. – Правда, я не понимаю, почему я здесь. Я не ломала им ноги, не грабила...

– У тебя была неделя, чтобы отыскать новую работу, – инспектор захлопнул папку. – Прошло две. Ты прекрасно знаешь, что теперь будет.

– Принудительные работы, – пожала плечами девушка.

– Догадливая. Именно. Четыре раза ты уже не справились, эль—Неренн. Пятый раз – последний. Если на тебя поступит хоть одна жалоба от нанимателей, тебя вышлют из страны в течение сорока восьми часов. Это тебе понятно? Или ещё раз прочесть текст закона?

Девушка вновь улыбнулась во весь рот, ослепляя инспектора блеском зубов.

– У вас такой приятный голос, инспектор. Прочтите.

– Ей весело, – инспектор открыл ящик стола, извлёк оттуда толстую книгу. – Я не думал, что человек может настолько не дорожить собственной жизнью.

Девушка неожиданно встала, склонилась над столом, приблизившись к собеседнику.

– У меня была ночь, чтобы выплакаться, инспектор, – шепнула она. – Теперь я буду только смеяться.

Она уселась на место столь же стремительно. Её счастье, что сержанта нет. Резкие движения в этой комнате делать не разрешается.

– Я слушаю вас, – она вновь улыбалась. – Пусть всё будет, как положено.

– Как скажешь, – инспектор пожал плечами, нажал на кнопку селектора. Через несколько секунд сержант вновь возвышался над задержанной, а та, пристально глядя инспектору в глаза, выслушивала текст параграфа 20 пункта 5 статьи 11 «Закона об иммиграции», том пятый Свода Законов Республики Альваретт. Слушала с должным выражением лица.

* * *

– Сейчас мы отправимся к прокурору, – инспектор взглянул в глаза сержанту, тот кивнул, отошёл к двери и сделал кому—то знак. – Следующую неделю, эль—Неренн, вы проведёте в исправительном учреждении 22 провинции Рикетт республики Альваретт, до назначения вам места работы в соответствии с текстом параграфа 20...

Он не смог договорить. Такое с ним случилось впервые – альбиноска просто смотрела ему в глаза, когда инспектору захотелось расхохотаться – да так, что сил едва хватило на то, чтобы изобразить неожиданный приступ кашля.

– Если есть вопросы или пожелания, можете высказать их сейчас.

– Есть, – немедленно отозвалась девушка. Сержант напрягся. – Инспектор, при нашей первой встрече... я сказала, что не будет вам удачи. Прошу извинить.

Инспектор не поверил своим ушам.

– Всё ещё паясничаешь?

Эль—Неренн покачала головой. В выражении её глаз инспектор не заметил издевки. Из девицы могла бы выйти прекрасная актриса.

– И не думала. Я не собираюсь здесь больше появляться, инспектор. Я не хочу составить в этом вашем исправительном учреждении.

Инспектор усмехнулся.

– Хотелось бы верить. Ладно, извинения приняты, если тебе от этого легче. А сейчас – встань, спиной к стене, руки вытянуть перед собой... Правила тебе известны.

Вошедший полицейский держал в руках «сбрую» – смирительный костюм для заключённых женского пола.

– Зачем это? – поразила эль—Неренн.

– Ну как, – инспектор взглянул в глаза сержанту. Тот ухмыльнулся. – Если я правильно помню нашу пьесу, ты начнёшь сопротивляться, и к прокурору тебя придётся везти принудительно.

– Что вы! – поразила девушка. – Я слышала, у нас новый прокурор. Было бы неуважением явиться к нему связанной. К тому же, вы обязаны прямо спросить меня, намерена ли я выполнять ваши предписания добровольно. Я знаю свои права.

Инспектор мысленно вздохнул. Головная боль. Иногда ему очень хотелось, чтобы эту светловолосую прирезали где—нибудь в грязном переулке. Как было бы хорошо – в конечном счёте!

– Эль—Неренн, намерены ли вы исполнять предписания органов правопорядка и правосудия добровольно?

– Да, инспектор, – та склонила голову.

Через три минуты принесли «угомон» – микстуру, подавляющую некоторые специфические возможности женщин. Эль—Неренн выпила горькую смесь с таким видом, будто ничего вкуснее в этой жизни не пробовала.

К прокурору она вошла так, словно её ожидал торжественный приём в президентском дворце.

* * *

– Что она делала ночью?

Вопрос застал сержанта врасплох.

– Простите, теариан?

– Она плакала?

Сержант удивлённо расширил глаза, но тут же вновь обрёл спокойствие. Вышел в соседнюю комнату и почти сразу же вернулся.

– Никак нет, теариан. Сидела у окна, смотрела на улицу. Предлагали ей снотворное – отказалась. Так и просидела до утра.

Инспектор прикрыл глаза. Эль—Неренн уже отправили в исправительное учреждение – «зверинец». У прокурора ничего интересного не случилось: девушка вела себя настолько спокойно и почтительно, что скука брала. Ни одной выходки, ни единого язвительного слова. Что это с ней?

– Принесите мне её дело. Полностью, все отчёты. Начиная с её задержания.

Сержант кивнул и ещё через пять минут дело – три объёмистые папки – лежало перед инспектором. Ходили слухи, что семья Рекенте назначила неплохую награду за мёртвую или искалеченную эль—Неренн, и совершенно невообразимую награду – за живую и невредимую. Охотников за головами всегда хватает, но информаторы не сообщали, что кто—нибудь взялся изловить альбиноску.

Если её изловят, если увезут в Рекенте... Иммиграционная служба поднимет страшный шум. Уголовников и наркоманов никто не хватится, они мрут сотнями каждый день. Но эль—Неренн как—то умудрилась не сесть на «травку» или «пыль», не связаться ни с одной из банд, не стать «кошечкой» (хотя охотников до экзотики – белая кожа, красные глаза – порядочно). Врагов успела нажать, да и понятно: с таким—то язычком.

И книги. Всегда таскает с собой книги. Два тома энциклопедии, пару детективов, что—то ещё. Утверждает, что это – последнее, что осталось от имущества её семьи. Кого—то чуть не зарезала, когда пытались отнять книги. Дела...

2. Кровь и грязь

– С возвращением домой, – охранник дружелюбно оскалился, при виде эль—Неренн. Несколько раз девушке хотелось перекрасить волосы, но что делать с кожей? Носить всё время грим? В конце концов, она решила оставить всё, как есть. Одна такая на весь город, и это плохо. А может, на всю страну.

– Я ненадолго, – сообщила альбиноска, пока охранник вносил запись в журнал. – Отдохну пару дней, да и назад.

– Гостиница к вашим услугам, теарин, – охранник был сегодня в благодушном настроении. – Вас сейчас проводят.

Обязательные унижительные процедуры. Поиск паразитов, внутри и снаружи, достаточно бесцеремонный медосмотр. Всё это уже было, много раз. Говорить точнее – восемнадцать раз. И каждый раз её обещали упрятать сюда навсегда – или выслать из страны. На выбор. Если вышлют, то, вероятнее всего – на юг, откуда она прибыла когда—то.

– Следуйте за мной, – новое лицо. Охранник – охранница – была немолода, один вид её внушал, что связываться не стоит. Шутить и задираться – в том числе.

Эль—Неренн бесстрастно получила одежду, постельное бельё. Один комплект одежды – в котором будет жить здесь; второй – «праздничный», как иронически называют его охранники – тот, в котором будет работать. Когда и где назначат. Несмотря на все выходки, поведением её оставались довольны, и теперь можно надеяться, что дежурств в лечебнице не будет, равно как и сортировки мусора.

– У вас шестьсот тридцать баллов, – сообщила сопровождающая, открывая комнатку эль—Неренн. Камера—одиночка. В этой эль—Неренн ещё не жила. – Расписание на стене. Вызов дежурного – вот эта кнопка. Впрочем, – она впервые улыбнулась, глядя в глаза «заключённой», и улыбка вышла приятной, – думаю, вы это уже выучили.

– У меня прекрасная память, – согласилась эль—Неренн. Вещи принесут позже. Те немногие, которыми разрешено пользоваться. Более пятисот баллов «на счету» – можно читать книги. Каждый день содержания здесь – минус двадцать баллов. Если отказаться от работы на этот день. Выезд на работу приносит от пяти до пятидесяти баллов. Минус штрафы, если будут, плюс премии. При выезде на работу двадцать баллов не вычитаются.

Тысяча баллов – разрешены увольнения в город, в строго обозначенный район, раз в неделю на пять часов. Пять тысяч баллов – безусловное освобождение, две тысячи – возможность участвовать в выборе места службы, «по распределению». Каждый успешный день службы «по распределению» – от двух до пятнадцати баллов «в плюс».

Каждая жалоба от работодателя «по распределению» – штрафной балл. Каждый штрафной балл – принудительное заключение сюда и минус три тысячи «здешних» баллов. У эль—Неренн уже четыре штрафных балла. Пятый будет последним – либо бессрочное заключение, либо высылка из страны.

Пока баллы в плюсе – жить можно. А когда в минусе... Минус пятисот – и от работы на сегодня не уклониться. Минус тысяча – хорошо, если будешь собирать мусор, а не навоз на свиноферме. Минус две тысячи...

Эль—Неренн тряхнула головой, прогоняя арифметику прочь. Да, во время «луны» работать не заставляют, двадцать баллов не списывают. Даже кормят лучше. Заботливые. Правда, у неё, как водится, и здесь не всё в порядке – после давешнего задержания в лесу, на границе с графством Тессегер, луна перестала требовать её к себе. Только в полнолуние появляются схожие симптомы – но лишь симптомы предстоящей «прогулки». И здесь не повезло.

Охранница всё ещё смотрела на неё. Эль—Неренн вопросительно взглянула в ответ.

– Вы служили в семье Рекенте? – поинтересовалась охранница.

Вообще—то такие вопросы, мягко говоря, задавать не положено. Отвечать на них необязательно.

Эль—Неренн молча кивнула. Охранница неожиданно улыбнулась ещё раз.

– Я слышала о вас, эль—Неренн. Не думаю, что у меня с вами будут сложности. Я – ваша дежурная по этажу. Привыкайте.

Эль—Неренн кивнула, дождалась, когда двери закроют и запрут и, бросившись лицом прямо на стопку постельного белья, начала привыкать.

Инспектор открыл папку с делом эль—Неренн. Был уже вечер; в участке оставался только он да сержант Тоэн – пусть медлителен и не гений, зато во всём можно положиться. В этой дыре такой роскоши, как электронная справочная и терминалы связи, инспекторам не полагаются. Тоэн прекрасно всё это заменял. Тридцать лет в полиции, но, похоже, так и останется в сержантах.

Да. У самого инспектора карьера остановилась на этой вот дыре, незадолго после того, как эль—Неренн впервые схватили. Обвинение – попытка незаконного пересечения границы, контрабанда. Под давлением иммиграционной службы приговор вынесен условно, с отменой в случае получения гражданства в течение пяти лет и отсутствия приводов по уголовным статьям. Очень уж удачно всё сложилось для беловолосой – и её поверенного, молодого юриста, Виккера.

Освежим воспоминания. Текущая работа никогда не может быть закончена – бесконечные отчёты, допросы всякой мелочи, всё в таком духе. А ведь прочили ему, Тигарру Терон, должность начальника криминальной полиции района. И – всё. Никакого просвета. Без всяких видимых причин.

– Тоэн, – позвал инспектор. Сержант возник в комнате. При таких габаритах двигается почти бесшумно. – Мне нужен список тех, кто присутствовал при первом задержании эль—Неренн.

* * *

Первые три дня эль—Неренн отдыхала. Если так можно выразиться. Но книги, которые всегда спасали, словно поссорились с ней. Их невозможно было читать.

Она вспоминала то, что услышала, краем уха у прокурора. Инспектор и кто—то из чиновников прокуратуры беседовали поодаль, вполголоса.

«Говорят, семья Рекенте назначила награду за неё».

Эль—Неренн сжала кулаки, прижала их к глазам. Проклятый «угомон». От него шумит в ушах, плохо слушаются руки и ноги, обоняние отказывает – почти полностью. Чувствуешь себя калеккой. Так, вероятно и задумано – это и есть основное наказание. Для неё, эль—Неренн, во всяком случае.

«Она нужна им живой и невредимой».

Зачем живой и невредимой? Закончить то, что хотели?

«Если она исчезнет, с нас сдерут шкуру, инспектор. Спрячьте её, понадежнее».

Очень надёжно. Если сидеть здесь, не выходя на работу. А если выходить? Кому она сдалась, охранять её? Отправить могут куда угодно.

Спокойно, эль—Неренн. Без паники. Ты сумела сбежать, тебя не стали судить. Нельзя сдаваться.

– Ужин, эль—Неренн.

Привилегия хорошего поведения. Обращаются по имени, не по условному номеру.

Это она, та пожилая охранница. Поднос с ужином. Странно, но пахнет приятно. Может, если бы обоняние действовало в полную силу, всё ощущалось бы иначе.

– Два слова, эль—Неренн.

Альбиноска молча наклонилась к окошечку, хмуро глядя в глаза собеседнице.

– Старуха Рекенте назначила за тебя большую награду. Старайся оставаться здесь. Не выходи на работу в город.

Эль—Неренн смотрела ей в глаза, не меняя выражения лица.

– Правильно, – кивнула охранница. – Никому не доверяй. Но город для тебя – верная смерть.

Эль—Неренн кивнула.

Охранница подмигнула и закрыла окошечко.

Эль—Неренн проглотила ужин, не ощущая вкуса. На душе было отвратительно. Лучше бы уж её оставили в участке. Инспектору, похоже, тоже нравится обмениваться с ней колкостями. Во всяком случае, он не делает ей пакостей. Да. Он – не делает.

Она вытянулась на жёсткой кровати и попыталась уснуть. Но сон не шёл, как она ни старалась.

* * *

Восемь чашек кофе, две пачки табачных палочек. Тигарр сжевал их, под конец ощущая, что ещё одна – и его стошнит. Список имён был длинным, и что—то странное было в нём.

Итак, эль—Неренн. Прибыла с юга; пыталась найти работу в порту. Едва не была продана в «кошечки», едва не была зарезана, едва не... В двух случаях из трёх – Тигарр это выяснил – те, что напали на девушку, тут же погибли. Один поскользнулся на ровном и сухом месте, ударился виском о камень. У другого – кровоизлияние в мозг.

Тоэна он отпустил. Надо ему отдохнуть. Самому тоже не вредно, но – за эль—Неренн тянется очень необычный «хвост». Похоже, заключение Чучельника оказалось верным: девица из важной семьи. Кто—то охраняет её, оставаясь в тени. Она умудрилась влипнуть почти во все мыслимые неприятности. Оказалась в немилости «Мамы Львицы». Напакостила главе дома Рекенте. Двадцать тысяч руэн за её голову – фантастическая сумма. На такую можно год жить, и жить в роскоши. Самой эль—Неренн требуется собрать пятнадцать тысяч, чтобы получить постоянное гражданство. Пока что на её счету лишь девять тысяч. Каждые десять баллов в исправительном учреждении добавляют на счету один руэн.

На сегодня всё. Инспектор запер бумаги в сейф. Продолжу, как только будет время. Надо собрать сведения обо всех контактах альбиноски. Прежде всего – о тех, кто не пережил встречи с ней.

* * *

На четвёртый день в списке заданий обнаружилась работа в самом «зверинце». Просто и бесхитростно – осмотр фруктовых деревьев. На свежем воздухе – очень хорошо.

Эль—Неренн всё ещё оставалась подавленной. Плохо спала. Аппетит стал волчьим, съедала почти всё то, чем тут кормили.

...Всё просто. Осмотреть дерево, занести в список – есть ли больные ветви, что с завязями. Ей достались яблони. Пометить красной краской больные ветви. Поставить отметку в книжечке. Деревьев много, но к вечеру должна успеть. Старайся, эль—Неренн, скоро обед. Потом будет проще. Главное – не думать о времени.

Но думать получалось только и исключительно о времени. Пятый год она здесь. Двадцать первый год жизни. Огромный жизненный опыт – преимущественно, отрицательный. Родилась в год Тигра, под знаком Чаши, в час Огня. Мама говорила – ты станешь знаменитой, Ньер. Тебе будут завидовать...

Мама, мама... Эль—Неренн прислонилась к дереву, закрыла глаза. Минуты через три стало легче.

Не с кем поговорить в этом проклятом учреждении – только с отражением в зеркале. А она терпеть не может зеркал. Страшно смотреть в собственные глаза – после этого всю ночь мучают кошмары.

Он попытался подойти незаметно. Эль—Неренн положила книжечку наземь, поставила ведёрко с краской рядом. Обернулась.

Высокий, светловолосый, с неприятным лицом – шрам на горле, водянистые светло—зелёные глаза. В мундире охранника. Очень светлая кожа. И запах... даже сквозь «угомон» его запах наводил на неприятные мысли.

– Что случилось? – вежливо осведомилась эль—Неренн.

– Привет, Привидение, – оскалился вновь подошедший. – С тобой хотят поговорить очень влиятельные люди. Просили меня помочь.

Привидение. На себя бы посмотрел!

– Часы посещений – с двух до пяти, по средам и пятницам, – отозвалась девушка. – Пусть приходят.

– Острый язычок, – кивнул высокий. – Мне говорили. Ну что, Привидение? Ты нужна им живой. За мёртвую тоже заплатят, – усмехнулся он, – но меньше. Советую подумать.

– Как научусь думать – обязательно подумаю.

Улыбка исчезла с лица охранника.

– Просили передать, это последний шанс прийти самой. Учись побыстрее, уродина.

Он легонько толкнул ведёрко сапогом. Краска вылилась на книжечку – конец всем записям.

Эль—Неренн сжала зубы, стараясь сдержать закипающую ярость. Очень не рекомендуется проявлять неповиновение. А поднять руку на охранника – совсем плохо.

– Не сдашь урок, – охранник кивнул в сторону ведёрка, – минус пятнадцать баллов. Считать научилась? Посчитай, на досуге.

Он отошёл, медленно, неторопливо. Эль—Неренн медленно досчитала до сотни и попробовала отыскать хотя бы одну уцелевшую страницу. Удалось.

Но урок всё равно не сдала. Не успела.

Так оно и началось. Высокий, со шрамом, частенько появлялся рядом с другим, смутно знакомым эль—Неренн – низеньким, толстеньким. Судя по цвету кожи и волос, оба родом из этих мест.

Высокий никогда не устраивал мелких пакостей, если поблизости был кто—то кроме «толстого». Но за неделю число баллов уменьшилось до четырёхсот девяноста. Прощай, чтение.

Охранница, вроде бы, что—то заподозрила, но либо не хотела, либо не решалась говорить с ней. Подумаешь – у эль—Неренн и раньше были времена, когда она, из упрямства, теряла баллы. Но стоило ей взяться за ум – и возвращала потерянное, очень быстро.

На одиннадцатый день высокий подошёл во время обеденного перерыва. Обедали здесь же, на свежем воздухе.

– Через две недели ты будешь в минусе, – сообщил он, мило улыбаясь. Эль—Неренн так же мило улыбнулась в ответ. – Как только тебя вывезут за ограду, ты моя.

– Ах, я об этом только и мечтаю, – эль—Неренн с трудом сдерживалась. Она подавала жалобы – но их, похоже, перехватывали. Вот ведь влипла. По—настоящему влипла. Вот оно, надёжное место.

– Завтра, на рассвете, я могу вывезти тебя отсюда, – высокий подошёл вплотную, взял её за правый рукав. – Никто не хочет тебя убивать. Поучить жизни, но не убивать. Как видишь, я говорю откровенно. Отдашь, что с тебя причитается, – он издевательски оскалился, покосился на «толстого» – тот тоже усмехался, – и будешь свободна. Подумай.

– Отпусти, – прошипела эль—Неренн, ощущая, что мир плывёт перед глазами. Окружающие оглянулись на них. Высокий презрительно скривился, продолжая держать её за рукав. –

Отпусти! – крикнула эль—Неренн, отталкивая его второй рукой. Высокий без труда перехватил её руку. – Отпусти, скотина, иначе рассвета не увидишь!

– Очень мило, – холодно произнёс высокий. Охрана спешила к ним, высокий сделал знак – сам справлюсь – подозвал жестом «толстого». – Нападение и угрозы, при свидетелях. Минус сто баллов. В карцер её! – приказал он громко.

Эль—Неренн не стала сопротивляться. Не стала доставлять дополнительное удовольствие им обоим.

* * *

– Вызовите Виккера Стайена, – потребовала эль—Неренн, когда «толстый» запер за ней дверь карцера. – Вызовите его! Это моё право!

– Обойдётся, – лениво протянул тот. – Лучше подумай над предложением. Знаешь, тебя велели не трогать только ниже верхнего пояса. Всё, что выше – на наше усмотрение. Понимаешь?

– Вызовите Виккера! – крикнула эль—Неренн, вновь ощущая жар, переливающийся внутри тела. – Вызовите, или пожалеете!

– Минус ста тебе мало? – поднял брови охранник. – Посиди, остынь. Я приду вечером.

– Вызовите Виккера! – повторила эль—Неренн, глядя в зрачок камеры слежения – разумеется, всё, происходящее в карцере, записывается. – Вы не имеете права отказывать мне!

Никакой реакции. Должно быть, на требования отсюда не принято обращать внимания.

Только без паники. Только без паники. Эль—Неренн уселась на жёсткую, холодную подстилку и стиснула зубы. Старалась не обращать внимания на слёзы, стекающие по щекам.

* * *

Ужин она оставила нетронутым. Попыталась было крикнуть несколько раз, чтобы вызвали Виккера – но подошедший «толстый» равнодушно сообщил, что, в случае беспорядков в карцере, её просто усыпят газом – чтобы угомонилась – и вычтут ещё пятьдесят баллов. Такие дела. А если ещё раз откажется от еды – ещё минус сорок. Простая арифметика. Хочешь жить хорошо – будь послушной.

Свет в карцере не выключался. Никогда. Отапливать его тоже не старались – нет, здесь, конечно, не простудиться. Но удобств не положено. Кроме основных, очевидных. И пахло оттуда так, что комок не вылезал из горла.

* * *

– Вот ужин, – «толстый» открыл окошечко. – Лучше не упрямясь. У тебя нет шансов, – он уже не улыбался.

Эль—Неренн молча забрала поднос. Никаких острых краёв. Чтобы обитатель карцера, в расстроенных чувствах, не нанёс себе вреда... Только ложка – стальная.

– Да, кстати, – он, не особо стесняясь, протянул в окошечко руку, взял её за подбородок. – Никогда не видел таких, как ты. Может, развлечёмся немного? Всё в пределах приличий, – ухмыльнулся он. – А мы за тебя словечко замолвим. Что скажешь?

Дождь. Грязь и дождь, холод и порывы ветра. Смотри, Крис, ей понравилось!

Эль—Неренн улыбнулась. Резким движением схватила его кисть, прижала к полке, на которой стоял поднос. Отпустила – сразу же.

– Тронешь ещё раз – пальчики откушу.

– Да что ты говоришь! – развеселился «толстый», вновь протягивая руку внутрь. Эль—Неренн попыталась укусить, но охранник успел отступить.

– Завтра ты будешь сговорчивее, – пообещал он на прощание и ушёл.

Ужин. Есть хотелось страшно, но эль—Неренн не решалась. Что—то чудилось ей в запахе этой, с позволения сказать, еды. Что—то нехорошее.

* * *

Близилась ночь – по ощущениям, ведь окон здесь нет. В окошечко частенько заглядывали охранники. Поднос никто забирать не спешил и запах еды – неприятный, что уж там говорить – лишь усиливал смрад, витавший вокруг. Холод, яркий свет и вонь. Как это гуманно, просто прелесть.

Эль—Неренн долго думала, прежде чем решиться. Если её вывезут отсюда утром – это конец. Не смерть, не сразу, но конец.

Охранник проходил мимо двери каждые пять минут. Пяти минут мало, может не хватить. Ложка оказалась удивительно прочной. Если только за ней не следят – от камеры слежения не спрячешься – то может и выйти.

Ложку не сразу удалось протиснуть в щель между «удобствами» и стеной. Поначалу эль—Неренн подумала даже, что сама мысль сломать её никуда не годится. То и дело приходилось прекращать попытки согнуть или разогнуть ложку – чтобы не заметили в окошечке.

Ярость накатывала. Смешанная с отчаянием, которое, признаться, стало всё тяжелее подавлять. Никто ей не поможет. Согласится она идти с ними или нет – скоро её привезут назад, в дом Рекенте. Эль—Неренн не сомневалась, что именно «старуха Рекенте» наняла этих двоих.

Жар. Знакомый жар, накатывающий со всех сторон. Эль—Неренн набросилась на ложку, ощущая, что злость придаёт новые силы.

Смотри, Крис, ей понравилось!

Сгибается. Подаётся, хоть и медленно.

Бросим её здесь, в канаве?

Замереть. Лицо в окошечке. Не «высокий», не «толстый», но вряд ли дождёшься помощи.

Ложка переломилась. Со звоном. Эль—Неренн замерла, тяжело дыша, взглянула вверх.

Так. Теперь – лишь бы не промахнуться. Оба раза. Во всех смыслах.

– Вызовите Виккера! – крикнула она изо всех сил. Топот за дверью.

Швырнула тарелку в сторону камеры, разбрызгивая подсохшую кашу по стенам. Вроде бы попала. Начал мигать красный огонёк, что—то противно запищало.

Звон, лязг. Отпирают дверь. Только бы успеть.

Она сосредоточилась и резко провела по горлу острым краем скола – сжав в кулаке то, что осталось от ложки.

* * *

– Проклятие! – выругался «высокий», делая знак товарищу. – Быстро, возвращаемся в карцер.

– Что такое? – «толстый» остановился у лифта. Высокий раз за разом нажимал кнопку вызова, но ничего не происходило.

– Попытка самоубийства. Надо же, решила, ненормальная. Если сдохла – всё в порядке. Если жива – сматываемся, пока не очухалась. Открывайся! – высокий стукнул ладонью по кнопке.

– Сматываться? – «толстый» явно испугался. – Ты же говорил, что всё будет по плану! Что её просто усыпят! Я же...

– Заткнись. Вспомни о своей доле и заткнись. Открывайся, чтоб тебе сгореть! – крикнул «высокий» и врезал по кнопке дубинкой.

* * *

Эль—Неренн не потеряла сознания. Она чувствовала, что кровь стекает широкой полосой, что боль, постепенно нарастая, вынуждает стиснуть зубы. Но – беспамяństwo не произошло.

Её подняли, осторожно уложили.

– Артерия не задета, – незнакомый голос. – Скорую сюда! Выясните, кто за мониторами. Шкуру спушу, когда узнаю.

– Эль—Неренн, – мир плыл перед глазами, но девушка успела заметить лицо охранницы. – Это я. Не шевелись. Сейчас придут врачи, только не шевелись.

Время потекло неторопливо. Но беспамятство так и не приходило. Если бы не боль, терпеть которую становилось всё труднее, эль—Неренн рассмеялась бы – так комично выглядели медленно—медленно вышагивающие санитары, с носилками. Её осторожно уложили, пристегнули – чтобы не свалилась, бережно вынесли наружу.

За пределами карцера воздух показался невыразимо приятным и свежим.

Лица. Тают, смешиваются. Как много их вокруг. А это кто, там, у стены?

Время разогналось, разогналось стремительно. Как тогда, под дождём, в грязи, у ног полицейских.

– Ты, – попыталась произнести эль—Неренн. Ей не позволили, мягко прижали ладонь к губам.

Откуда взялись силы – она не осознавала. Те, кто несли её, не ожидали такого. Беловолосая, залитая кровью, одним рывком вынудила уронить носилки. Ещё мгновение – и ремни растёгнуты. Или порваны. Её успели схватить за руку прежде, чем она дотянулась до лица «толстого».

Тот прижался к стене. От него явственно несло «жареным электричеством» – обугленной изоляцией. Правую руку, чёрную и окровавленную, он бережно прижимал к животу левой.

– Что, – прохрипела эль—Неренн, пытаясь дотянуться до его горла. Те, кто нёс её, откровенно растерялись. Попытались схватить за вторую руку – девушка, не глядя, отмахнулась. Сдавленный крик и удар чего—то тяжёлого о пол.

– Пальчики болят? – шипела эль—Неренн. «Толстый» даже не попытался убежать, защититься, закрыться. – Позови этого ублюдка, твоего приятеля! Я разорву его на части, слышишь, свинья?!

Её сумели поймать за обе руки.

– Передай старухе, что я сама приду к ней! – крикнула эль—Неренн, ощущая, что голос покидает её – что—то надорвалось. – Передай, скотина! Вышибу ей остатки мозгов! Пере...

Что—то холодное касается шеи. Тупая боль – почти незаметная среди того огня, что обжигает горло. Мир сразу становится чёрно—белым, звуки начинают угасать. Жар, накатывает со всех сторон.

– Тихо, девочка, – голос охранницы. – Не шевелись. Всё будет хорошо.

Как же, успела подумать эль—Неренн. Мысли путались, путались, путались...

Всё будет...

Бросим её в канаве?

...хорошо...

Бросим её в канаве?

Тёплая, обволакивающая мгла. Но голоса не оставляют в покое.

Смотри, Крис, ей понравилось!

3. Небо в огнях

– Что с ним? – проворчал инспектор. Чучельник склонился над светловолосым высоким охранником, так и оставшимся лежать у лифта. Только лёг спать... и тут же вызов. Как чуял, что альбиноска. Не может не заварить кашу.

– Жив, – заключил Чучельник – патологоанатом, усмехнулся. – Кто тут сказал, что он умер? Жив ещё. Думаю, выживет.

Остальные, включая директора учреждения, держали на лицах мрачное выражение.

– У него что—то с глазами, – добавил Чучельник. – Похоже, электрический ожог. Видеть он вряд ли будет. Говорить – сможет. Ладно, забирайте его.

«Толстый», в наручниках, отчётливо затрясся. Хотел что—то сказать, но голос ему не повиновался.

– Уведите этого, – скривился инспектор. – Сейчас обделается. Без него весело. Тоэн, приведите его в чувство и – в участок. Возьмите предварительные показания.

– Кнопка вызова, – указал электрик. – Никогда такого не видел. Чтобы коротнуло по такой площади... – он покачал головой. – И предохранители. Если бы сработали, ничего бы с ним не было.

– Дуга? – инспектор наклонился, задерживая дыхание, над огромной дырой в стене, с оплавленными краями.

– Она, – кивнул электрик. – Мы проверяли лифт неделю назад! – перехватил он взгляд директора. – Ничего не было, теариан—то! Вы знаете меня, я здесь пятнадцать лет работаю!

– Вот что, господа, – инспектор оглядел остальных. – Разговор будет долгим. Для начала – хочу знать, кто нанял этого. Как он смог попасть в охранники?

– Уже выясняем. Вы его знаете? – поинтересовался директор. – Сюда, в мой кабинет, пожалуйста.

– Знаю, – проворчал инспектор, закрыв за собой дверь. – Не думал, что встречу. Имени у него нет. Только прозвище – эрен—Катто.

– «Крылатый аспид», – директор криво усмехнулся. – Любят они красивые названия.

– Если он взял контракт, – инспектор отломил половину табачной палочки, принялся мрачно жевать, – значит, пахнет большими деньгами. Очень большими.

– Только не говорите мне снова про Львицу, – директор встал, прошёлся перед столом.

– Львица приговорила Аспида к смерти, – инспектор глянул на часы. – Нет, тут кто—то другой. Будем выяснять. Что с девушкой?

– Жива, – директор вновь уселся. – Встанет на ноги через пару дней. Не могу поверить. Трое охранников подкуплены. Да я им верил, как самому себе!

Инспектор пожал плечами.

– Что в ней такого, теариан? – директор и так был худощавым и длинным; сейчас вообще походил на жердь в пиджаке. На пугало на ветру. – Кто может за ней охотиться?

– Полстраны будет счастливо, если её пристукнут, – инспектор выплюнул остатки палочки в урну. Промахнулся. – Не знаю, теариан—то. Виккер уже здесь?

– Кто?

– Её поверенный. Её адвокат.

– Да, здесь. Ждёт, когда к ней пустят. А что? Не пускать?

– Избави Море! Он нас с вами в землю зароет, живьём. Нет, пусть говорит. Он толковый парень, просто не люблю его службу. Ну, хорошо, – он поднялся. – Всех задержанных я забираю. Держите меня в курсе относительно здоровья эль—Неренн. Что с её... э—э—э... баллами?

– Разумеется, всё вернём. Думаю, добавим ещё пятьсот, в качестве компенсации. Если честно, господин инспектор, я хотел бы от неё избавиться. Поскорее.

* * *

– Это было глупо, – сумела произнести эль—Неренн, когда Виккер уселся у её постели. – Я знаю.

Она не узнала свой голос. Хриплый, неприятный. Горло болит, когда говоришь. Удружила себе, эль—Неренн. Теперь без голоса. Наверное, на всю жизнь.

– Вряд ли глупо, – возразил адвокат, – но рискованно. Вам повезло. Стоило задеть артерию... Но это в прошлом. Рад, что вы живы, эль—Неренн. Тех, кто охотился за вами, взяли – думаю, они вас больше не потревожат.

Виккер не изменился за все эти три с лишним года. Казался моложе эль—Неренн – светловолосый, светло—жёлтое лицо и такого же цвета глаза. Красавец. Производил впечатление человека, которого легко обмануть, которым можно вертеть, как захочется. Ни силой, ни проворностью не отличался. Зато ум его проворнее и живее многих иных.

И всегда он одет официально, строго – чёрный костюм, безупречные туфли и галстук. Где бы и когда бы эль—Неренн ни видела его.

Девушка закрыла глаза.

– Три недели отдыха, – продолжил Виккер. Чувствовалось, что ему довелось понервничать. – Никакой работы вне учреждения. Я прослежу, чтобы с вами хорошо обращались. Потом – я подыскал вам место службы, эль—Неренн. Вы обязаны отработать – сами понимаете. Но если повезёт – а я думаю, что повезёт – мы добьёмся временного гражданства через полгода. Но я умоляю— будьте осторожны. Крайне осторожны. Не доверяйте никому.

– Вам тоже? – эль—Неренн попыталась усмехнуться, но у неё не получилось.

Виккер улыбнулся.

– Мне лучше доверять. Кстати, инспектору – тоже.

Он кивнул, и встал было, но девушка успела поймать его за руку.

– Теариан, что у меня с голосом?

– Голос вернётся. Операция была довольно сложной, но они справились.

– Я осталась без денег, – эль—Неренн закрыла глаза. Хуже всего здесь – лечиться. Особенно – оперироваться. С таким трудом собирала деньги, и вот – операция.

– Ваш счёт никто не трогал, – Виккер пододвинул стул поближе, взял её за правую руку. – За счёт учреждения. Точнее, за счёт государства.

– С чего они такие добрые? – эль—Неренн открыла глаза.

– Не знаю, – адвокат усмехнулся, постучал пальцами по портфелю.

Знает. Прекрасно знает, хитрый змей, поняла эль—Неренн, сдерживая улыбку.

– Ещё одно, – Виккер явно колебался, стоит ли это говорить. – У госпожи Рекенте, той самой, сегодня ночью случился инсульт. Уже третий.

– Жива? – поинтересовалась девушка.

– Жива, но на этот раз легко не отделается. Думаю, ходить уже не сможет.

Адвокат встал.

– Тот, второй охранник – который потерял пальцы на правой руке – признался, что заказ исходил от госпожи Рекенте. Доказательств много. Но суда, полагаю, не будет.

– Потерял пальцы? – девушка попыталась усесться, но Виккер помешал ей, мягко надавив на плечи. – Как?!

– Ожог электрической дугой. Вам лучше не думать об этом. Они уже не причинят вам зла. Отдыхайте, эль—Неренн. Я всегда буду на связи.

– Спасибо, – эль—Неренн закрыла глаза и почти мгновенно уснула. Без сновидений.

* * *

– Проиграй—ка ещё раз, – Арванте Терон—Тиро, хирург, отставил в сторону банку пива и склонился ближе к экрану. – Вот отсюда.

Со своим ассистентом, который работал терапевтом здесь же, в «зверинце», они смотрели запись оперативной съёмки. Того инцидента в карцере.

– Ничего не понимаю, – признал Арванте – высокий, седовласый, с длинным орлиным носом. – Она порвала ремни, чуть не разорвала этому типу лицо. Кто—то врёт. Или мои глаза, или запись.

– Там было восемь человек, – возразил ассистент. – Они подтверждают. Всё это было. Своротила челюсть охраннику – да, вот этому. Легонько так шлёпнула – и своротила. Говорят, её было трудно удержать.

– Я чинил её горло, – Арванте вернулся к пиву. – Она захлебнулась бы, если бы попыталась встать. Понимаешь? В лёгких и так было полно крови.

– Я понимаю, – ассистент выключил воспроизведение. – Но их было восемь человек. Что, им всем почудилось?

– «Было»?

– Тот, на которого она напала, вроде бы, умер. Сегодня утром. Возможно, ему повезло – ему светила каторга.

– Дела, – Арванте встал. – Я не нашёл данных её обследования. Полного. Только общий осмотр.

– Никто не проводил, – подтвердил ассистент. – Да и зачем?

– Надо провести. Мне тут намекнули, что выйти отсюда она должна живой и здоровой. Директор, похоже, её до смерти боится.

– Так это же в центр везти, – скривился ассистент. – Это действительно нужно?

– Нужно. Спросят—то с нас.

* * *

– Доброе утро, – первое, что увидела эль—Неренн, открыв глаза, была дежурная по этажу. – Хорошо выглядишь, девочка.

Эль—Неренн с трудом уселась. Сжала зубы – заболело горло. Но боль была намного слабее, чем... когда она заснула? Вчера? Позавчера?

– Спасибо, – она не в своей комнате. Что—то, куда более роскошное. Да, говорили, есть здесь такие комнаты – для тех «клиентов», что располагают деньгами. Интересно, это тоже – за счёт учреждения?

– Какое сегодня число?

– Двадцатое. Двадцатое Вассео тысяча двести пятого года, – охранница улыбалась. – Помочь тебе или сама оденешься?

– Сама, – охранница кивнула, вышла в коридор, прикрыла за собой дверь. Ноги плохо держали; одеться удалось не сразу. Эль—Неренн поспешно уселась на кровать – силёнок пока маловато. Долго же она спала. Двадцатое... почти двое суток?

Одеться и умыться было нелегко, но она справилась. Два подвига, за одно утро.

– Сейчас будет завтрак, – дежурная поддерживала её под локоть. – После обеда тебя отвезут на медосмотр.

– Ненавижу медосмотры, – эль—Неренн качнулась, охранница поймала её за локоть.

– Ничего страшного, поверь. Прокатимся в столицу и обратно. Поговорим, если захочешь.

– Вас разжаловали в сиделки? – усмехнулась эль—Неренн.

Дежурная рассмеялась. Хрипло, неприятно.

– Нет, я сама попросила.

– Но почему?

Женщина придвинулась поближе, присела. Перестала улыбаться. Запрокинула голову – указала на два едва заметных шрама, по обе стороны горла, у самой шеи.

– Ты сумела сбежать от Старухи, – женщина взяла эль—Неренн за руку, пристально смотрела ей в глаза. – Оставила её с носом. Я – не сумела.

Эль—Неренн ощутила холодок, проползающий по спине.

– Я поклялась, что отпраздную тот день, когда она заплатит за всё, – дежурная усмехнулась, поднялась на ноги. – Можешь звать меня Хольте. Похоже, сегодня тот самый день. Впрочем, можно отпраздновать позже. Я хотела увидеть тебя, своими глазами.

Эль—Неренн вспомнила слова Виккера. Тогда, вечером, под огнями праздничного салюта.

– Но как вы... как она вас отпустила?

– Думаю, ты догадываешься.

– «Кровь за кровь», – предположила эль—Неренн, тихо. Хольте кивнула. Она вовсе не старуха, поняла девушка. Просто выглядит очень старой. Глаза, голос, походка... ей едва ли за тридцать.

– Я расскажу, если хочешь. Завтракай, я уйду, – дежурная поднялась. – Прогулка через полчаса.

– Что стало с вашей дочерью? – поинтересовалась эль—Неренн, когда охранница была уже на пороге. Хольте вздрогнула, обернулась. Медленно вернулась к столу, присела на корточки.

– Я не говорила, что это была дочь.

Эль—Неренн улыбнулась, выдерживая её взгляд. Дежурная прищурилась, кивнула.

– Я выкупила её. Как раз под Новый год. Собиралась разобраться со Старухой, – встала, тряхнула головой. – Ты успела раньше, но я не в обиде. Я знаю, где её содержат. Зайду как—нибудь, передам привет.

* * *

Прогулка – в том самом саду – оказалась приятной. Эль—Неренн ощущала взгляды всех, кто был вокруг. Ощущала почти физически. Но – ни одного презрительного. Некоторые смотрели с уважением, но поспешно опускали глаза, стоило встретиться с ними взглядом.

Эль—Неренн прислонилась спиной к тому самому дереву. Всё ещё видны брызги краски, в самом низу ствола. На душе было и приятно, и мерзко одновременно. Приятно – потому что все, кто хотели ей зла, получили по заслугам. Поделом. Мерзко – по той же причине. Она помнила, смутно, выражение лица «толстого». Он явно хотел мне что—то сказать, неожиданно поняла девушка. Но побоялся.

– Разрешите? – голос директора.

Эль—Неренн рывком поднялась на ноги (горло тут же отозвалось болью), учтиво поклонилась.

– Можно без формальностей, – «Пугало», как звали директора за его спиной, поправило очки и улыбнулось – одними лишь краешками губ. – Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, теарин—то. Хорошо.

– Я хотел бы извиниться, теарин. Вас едва не похитили – у нас никогда такого не случилось. Нет худа без добра, мы взяли почти всех. Двое или трое сбежали, но их, думаю, поймают.

Эль—Неренн кивнула. Директор был не очень приятным человеком, раздражительным и щедрым на наказания. Походил на скелет, обтянутый кожей.

– В случае неприятностей прошу связываться лично со мной, – директор протянул ей карточку. Ого! – Надеюсь, мы с вами будем видеться редко. В этих стенах.

Надо полагать, это была шутка. Эль—Неренн опустила глаза и улыбнулась.

– Выздоровливайте, – директор прикоснулся к её правому запястью и отбыл.

Он меня боится, подумала эль—Неренн. Хорошо это или плохо? В случае с новой комнатой, обслуживанием и расходами на операцию – несомненно, хорошо.

* * *

– Думаешь о чём—то неприятном? – Хольте, охранница, сопровождала эль—Неренн. Терапевт – темнокожий коренастый парень лет двадцати пяти – ехал в кабине, с водителем. Они с Хольте – в отделении для «груза», как его обычно называли.

– Да, – отозвалась эль—Неренн. Детектив, взятый в библиотеке учреждения, не читался. С огромным трудом осилила две страницы – и отложила.

– Расскажи, как тебе удалось, – Хольте взглянула девушке в глаза. – Не бойся, никто не слушает. Я умею хранить тайны.

Да, наверное. Эль—Неренн успела связаться с Виккером и попросила выяснить, кто такая Хольте. Тот позвонил, в том числе, инспектору и минут через двадцать подтвердил. Да, всё верно, та же история. «Поймалась» таким же образом. Подавать в суд не стала, даже после того, как покинула дом Рекенте. Да, дочь, шести лет, сейчас живёт у двоюродной сестры. Всё совпало.

Никому не доверяй, эль—Неренн.

– Не люблю вспоминать это.

– Понимаю. Мне непонятно – как ты выбралась из дома. Старуха всегда ходила с двумя мордоротами. Охрана в доме. Как ты сумела? Это было под Новый год, верно?

– Верно, – эль—Неренн опустила голову. – Под Новый год. Шесть месяцев назад.

* * *

Вообще—то прислуге в доме Рекенте покидать поместье не позволялось. Почти никогда. С другой стороны, если следовать прихотям «Старухи», жить можно. У всех людей есть странности. Странности госпожи Рекенте были не настолько сильными, чтобы превращать жизнь в кошмар.

А под Новый год случилось неслыханное – прислуге разрешили съездить в город. Отпраздновать начало года. Не всем – двое остались дежурить, до утра. Ходили слухи, что вся семья Рекенте также отмечает праздник вне дома – оттого и послабление. Так или иначе, но эль—Неренн, выпив минеральной воды, переделалась в выходное – собственное – платье и осталась в своей комнатке, ждать машины.

Проснулась – рывком – примерно за час до Нового года. И похолодела – машина уже уехала. Почему ей не сказали? Дверь не заперта – могли войти и окликнуть.

Стакан с минералкой ещё стоял на столе. Эль—Неренн отхлебнула и поморщилась – вода выдохлась. Неприятный металлический привкус. Гадость, в общем, эта выдохшаяся минералка.

Она выскочила в коридор. Всё в порядке – слышны голоса, охранники. Её действительно не позвали. Что за... Настроение сразу же испортилось. Вот так. А ещё сегодня у неё – день рождения. Ровно в полночь. Мама шутила – всегда можешь сказать, что тебе на год меньше. Родилась ровно в полночь, секунда в секунду.

– Эль—Неренн? – охранник. – Госпожа просила подойти к ней.

Вот оно что. Старуха придумала поручение. Ну конечно, подумала девушка, начиная злиться. И так всю жизнь.

Охранник проводил её по ступенькам вниз, в первый подземный этаж. Общий зал прислуги – прямо. Ей же указали на вторую дверь слева. Охранник держался необычайно почтительно. С чего бы это?

– Входите, – кивнула госпожа Рекенте. Она тоже была в праздничном. Почему не уехала?

Кроме неё, в комнате были два «мордороты» – личная охрана – и врач. Низкорослый, широкоплечий. Не знай эль—Неренн, что это личный врач госпожи, при встрече на улице приняла бы за бандита.

– Вас не стали будить по моему распоряжению, – пояснила госпожа. Не такая она на вид и старуха. Среднего роста, всё ещё стройная и крепкая. Чёрные глаза – глубоко посаженные, цепкие. В молодости должна была быть красавицей редкой – раз осталась красивой. О такой коже и чертах лица многие лишь мечтают. Не скажешь, что ей почти восемьдесят. Только глаза – взгляд – да руки, когда она снимает перчатки, выдают возраст. А так – больше пятидесяти и не дашь. И голос. Необычайно красивый, полный. По слухам, госпожа в молодости пела в опере. И была знаменита.

– Эль—Неренн, – госпожа закашлялась и врач поспешил к ней. Ясно, зачем он здесь. Опять у госпожи приступ астмы. – Вы проявили себя очень хорошо. Я редко бываю так довольна теми, кто служит мне. Я хотела бы предложить вам остаться у меня ещё на полгода. Сейчас редко найдёшь надёжных людей.

Эль—Неренн оторопела. Слушать подобное было приятно, но почему сейчас?

– Я повышаю вам жалованье, – продолжала госпожа, – и предлагаю новую должность. Я пока ещё не решила, что именно вам предложить. Думаю, вы выберете сами.

– Спасибо, – эль—Неренн поклонилась. – Это честь для меня.

Она так и думала. В тот момент.

Госпожа кивнула.

– Я рада, что вы согласны. Там, на столе, лежит договор. Ознакомьтесь с ним. Это формальность – точно такой же договор вы подписывали, когда я нанимала вас, три месяца назад. Просто формальность. Поставьте подпись, если согласны.

Эль—Неренн думала. Подписывать, вот так, с ходу... Виккер категорически запретил так поступать. Прочитаем – а там посмотрим.

– Конечно, – произнесла она на словах. – Я хотела бы вначале прочитать договор. Простите, – добавила она.

Госпожа кивнула.

Эль—Неренн села за стол – госпожа медленно поднялась из кресла и отошла к другой стене.

– Вас отвезут в город, как и было обещано, – добавила она. – Я не стану портить вам праздник.

Эль—Неренн листала. Вроде бы всё нормально, никаких ловушек. Медный вкус во рту, который возник, когда она отпила выдохшейся минеральной воды, усиливался. Голова немного гудела. Устала? Ну да, день был насыщенным.

Где тут ставить подпись? Здесь? Сейчас...

Она не сразу уловила, что с ней что—то произошло.

Показалось, что окружающий мир пропал на несколько мгновений и вернулся.

Шум в ушах. Обоняние усилилось, запахи наплывают волнами. Что—то со слухом.

– ...недостаточно...

Это врач.

– ...точно уверены, что...

Это госпожа. Ноет шея. Эль—Неренн прикоснулась к шее, под затылком... что—то влажное.

Жар. Накатил отовсюду. Чувства обострились, восприятие стало утончённым, время потекло медленнее. Окружающим, вероятно, показалось, что она засыпает. Но Эль—Неренн никогда не чувствовала себя настолько «заряженной».

Что происходит?

– Повторите, – сухой голос госпожи. – Ещё одну ампулу.

Ампулу?!

Врач. Думает, что подходит медленно и тихо. На самом деле его шаги отзывались грохотом и гулом.

Эль—Неренн не сразу осознала, что творится.

Ещё одну ампулу. Ещё одну ампулу. Боль в шее. Влага...

Ей сделали укол?

Жар продолжал усиливаться. Врач остановился, и...

Она вскочила на ноги. Увидела в руке у врача инфузионный шприц, чем—то похожий на пистолет. Заметила, что один из телохранителей держит её за локоть – бережно, чтобы не упала.

– Что это? – Эль—Неренн ощутила, как злость охватывает её. – Что это было?!

– Держите её, – велела госпожа резко. Если бы она не сказала так, возможно, всё повернулось бы иначе.

Телохранитель попытался схватить девушку за руку, зафиксировать, но... тут произошёл настоящий взрыв.

Эль—Неренн помнила только чёрный туман, застилающий действительность. Она с размаху ударила телохранителя в лицо другой рукой. Тот ослабил хватку – ударила ещё раз, ребром ладони по глазам. Резко развернулась и сбила врача с ног, ударом ноги.

– Что это? – крикнула она. – Что это было?

– Эль—Неренн, прошу, успокойтесь, – госпожа. Голос растерянный. Явно не ожидала ничего подобного. И – вторая ошибка. Она взглянула за спину эль—Неренн, кивнула кому—то. И чёрная волна полностью скрыла окружающий мир.

Эль—Неренн помнила только, что схватила со стола чемоданчик – видимо, принадлежащий врачу – а затем обнаружила, что стоит над телом второго телохранителя. Пахло порохом. Он стрелял? Время всё ещё текло медленно.

Отрывочные картинки. Телохранитель, лежащий лицом вниз, в луже крови. Чемоданчик – тоже в крови, на полу. Пистолет в её руке.

– Эль—Неренн, – карикатурно замедленный голос госпожи. – Прошу вас, сядьте. Успокойтесь. Не делайте ничего такого, о чём потом можно пожалеть.

Страх. Страх в её глазах.

Врач, поднимающийся на ноги. Эль—Неренн чувствовала и его страх. Заметила следы от пуль, на полу. Охранник пытался попасть ей в ногу?

– В сторону, – она указала пистолетом. – Отойдите от него, – врач явно думал забрать у охранника второй пистолет. Старуха не осмелится применять силу сама. Оба телохранителя оглушены, не опасны. Все эти заключения пришли одновременно, стремительно и чётко. Но ярость всё ещё кипела. Хотя эль—Неренн сопротивлялась чёрному туману, не позволяя ему вновь опуститься.

– Оба, в угол, – услышала она свой голос. Подошла ко второму охраннику – ей казалось, что она стала невесомой – забрала второй пистолет. Охранник пошевелился, и эль—Неренн врезала ему, не сдерживаясь, рукояткой пистолета по затылку.

– Эль—Неренн, – вновь обратилась госпожа. – Прошу, сядьте, давайте не будем...

– Будем, – эль—Неренн оскалилась. – Что в ампуле? Говорите! – она направила ствол пистолета на врача.

– Послушайте, вы же не станете, – начал было врач. Эль—Неренн нажала на скобу, и рядом с головой врача в стене возникло отверстие. Глушитель. Отлично.

– Что там? – крикнула эль—Неренн.

– Витамины, – быстро ответил врач. – Тонизирующее. Ничего страшного. Успокойтесь, прошу вас. Мы не желаем вам зла.

– Да, витамины, – эль—Неренн продолжала демонстрировать клыки. – Конечно. Подобрались со спины – зачем?

Врач молчал.

– Сядьте, – эль—Неренн указала госпоже на стул и та медленно, но повиновалась. – Вы, – кивок в сторону врача, – привяжите её к стулу.

– Но...

Эль—Неренн украсила стену ещё одной дырой.

Побереги патроны, эль—Неренн. Совершенно ясный, чистый рассудок. Удивительно. Но удивилась она уже потом.

– Мне нельзя прикасаться к госпоже, – эль—Неренн оскалилась шире, не отводя взгляда от глаз «Старухи», – а вам можно. Привязывайте. Вот так, крепче. Верёвку вы тоже прихватили случайно, да? Очень кстати.

– Что в ампуле? – эль—Неренн подошла к госпоже вплотную, держа шприц в левой руке. – Отвечайте.

– Вам же сказали, – отозвалась та холодно. – Витамины. Эль—Неренн, ещё не поздно. Сядьте, успокойтесь. Мы ничего не...

Эль—Неренн резко приставила шприц к её шее и нажала на спуск.

Госпожа дёрнулась, закрыла глаза.

– Небеса, – тихо простонал врач. – Что же вы...

– Что в ампуле? – поинтересовалась эль—Неренн, не отводя пистолет от его лица. – Следующий укол – вам.

– Эль—Неренн, – с трудом выговорил тот. – Послушайте. Я не могу сказать. Мне не...

Девушка ударила его по лицу пистолетом. С размаху. Врач упал и остался лежать.

Госпожа открыла глаза.

– Что в ампуле? – эль—Неренн нажала на кнопку сбоку на шприце. Пустая ампула выскочила. Новая, из обоймы, встала в гнездо. – Буду делать вам уколы, пока не скажете.

Госпожа попыталась что—то произнести... но ничего не донеслось из её рта. Непохоже, что притворяется.

Эль—Неренн озадаченно смотрела на хозяйку.

Вот как.

– Я сейчас уйду, – сообщила она. – Тихо. Спокойно. Если поднимете шум, вашей внучке не жить. Поняли?

Никакой реакции.

– Поняли?! – крикнула эль—Неренн, наставляя на неё пистолет.

Госпожа кивнула. Выражение её лица стало злобным.

У охранников должны быть наручники. Рассудок действовал устрашающе ясно. Эль—Неренн добыла наручники. Сковала телохранителей в локтях. Пристегнула второй парой наручников – щиколотку каждого к запястью доктора. Ключи от наручников – забрала с собой. Вместе с другими ключами. Заклеила рот, всем четверым – рулончик клейкой ленты оказался на столе. Тоже, надо полагать, случайно.

Сложила второй пистолет, шприц, пустые ампулы, ворох бумаг – договор – в чемоданчик врача. Заперла. Пистолет очень удобно поместился в складках пояса. Преимущества широкого пояса. Вот так.

Ключи от комнаты должны быть у госпожи. Но эль—Неренн не стала её обыскивать.

Дверь захлопнулась за спиной.

Действуй, не медли.

Никто в доме, похоже, ничего не заметил. Какая прелесть – толстые стены. Кричи, не кричи...

Шум. Чьи—то шаги. Старший внук госпожи тоже здесь. Ждёт, когда бабушка закончит свои дела – чтобы уехать с ней в гости. Жди, она задержится.

Я одна, – осознала эль—Неренн. В доме – четыре охранника (двое из них в той комнате), внук и внучка госпожи, врач. Прислуги нет. Очень хорошо.

Я должна была онеметь, подумала она, направляясь в свою комнату. Зачем?

Ясность мысли, координация движений сохранились. Сама того не осознавая, эль—Неренн быстро сложила в сумку самое необходимое. Самое дорогое. Закрыла дверь, набросив на себя зимнее пальто. Зимой здесь промозгло, хоть снега почти нет.

Внук госпожи попался ей навстречу. Он ожидал увидеть меня, тут же осознала эль—Неренн. Но не так. Или не здесь. Что тут...

Внук – парень восемнадцати лет – попятился. Эль—Неренн казалась грозной и... ужасной. Она улыбнулась ему, и он едва не закричал. Заметил пистолет?

– Тихо, – эль—Неренн приблизилась к нему, прикоснулась к щеке. – Спокойно. Вернись, никуда не уходи. Я скоро приду.

Сама не понимала, почему это говорит. Но внук госпожи подчинился. Улыбнулся, кивнул, скрылся в комнате. Послушный мальчик.

Вот сюда, на женскую половину. Точно, внучка здесь. Не спит.

– Аголан, – позвала эль—Неренн. Девочка – ей недавно исполнилось шесть лет – обернулась. Улыбнулась, бросилась к своей няне. Последние полтора месяца эль—Неренн доверили внучку. Действительно, знак доверия – без всяких шуток. – Идём. Я покажу тебе фейерверк.

– Правда?! – глаза девочки загорелись. – Но бабушка... сказала, что я должна спать. А я не хочу спать! Сегодня праздник!

– Одевайся, – указала эль—Неренн. Девочка стремглав бросилась к шкафу с выходной одеждой. – Я покажу тебе. Всё—всё. Бабушка разрешила.

Одели девочку всего минут за пять. Быстро. Раньше это длилось дольше.

– Притворимся, что я тебя украла, – шепнула эль—Неренн. Девочка кивнула. Она верит каждому моему слову, осознала девушка. Раньше бы замучила вопросами. Чем—то Аголан Рекенте – «Будущая Рекенте» – напоминала свою бабушку. В лучшем смысле. Рассудительная. Упрямая. Серьёзная, порой – слишком серьёзная.

И они направились к выходу.

– Что вы... – охранник вышел навстречу, едва они повернули в сторону главного выхода. Закончить он не успел. Эль—Неренн ударила его по лбу рукояткой пистолета. Молниеносно, сильно. Девочка пискнула, но эль—Неренн склонилась к ней и шепнула.

– Это игра. С ним всё в порядке. Молчи и притворись испуганной.

Девочка повиновалась.

Фантастическое везение.

Четвёртый охранник, как и положено, оставался у машины. Хороша машина! Большой, красивый «Тигр». Таких не выпускают уже лет десять.

– Стоять! – крикнул охранник. Быстро всё понял. – Стоять, эль—Неренн!

– Оружие на землю, – ответила девушка, прижимая ствол пистолета к шее девочки. Держать другой рукой сумку, чемоданчик и девочку было неудобно, но Аголан отлично исполняла свою роль. Или действительно перепугалась насмерть. – Иначе она умрёт. Быстро! – крикнула она.

Охранник подчинился. Взглянул в окно – вероятно, там должен был быть кто—то ещё.

– Медленно отходи, – приказала эль—Неренн. – Так, чтобы я тебя видела.

Сложный момент. Поднять третий пистолет. Только бы Аголан не дёрнулась...

Не дёрнулась.

– Открой машину, – приказала эль—Неренн.

– Вам не удастся...

– Молча. Открой, иначе стреляю.

Охранник повиновался.

– Сними блокировку, – эль—Неренн указала пистолетом. – Быстро.

– Что...

– Быстро! – крикнула эль—Неренн. – Помощи не будет. Ещё одно слово – и ей конец.

Отключил.

– Теперь маяк, – эль—Неренн указала на приборную доску. – Выключи маяк.

Охранник выполнил приказ. Было видно, что он не вполне верит, что всё это на самом деле. Эль—Неренн менее всего казалось способной на подобное.

– Открой ворота и встань рядом, – указала эль—Неренн. Открыла дверцу машины, бросила сумку и чемоданчик на заднее сиденье. – Аголан, в машину. Шевелись.

Девочка повиновалась, молча; на лице её застыло странное выражение – страх не страх, гнев не гнев, что—то среднее.

– Если я услышу сирены, ей конец, – эль—Неренн уселась, захлопнула дверцу, включила зажигание. – Если меня остановит полиция, ей конец. Понял?

Охранник кивнул.

– Госпоже нужна помощь, – эль—Неренн продолжала направлять на него пистолет левой рукой. – Она на подземном этаже. Вторая дверь слева. Отойти от ворот!

«Тигр» оказался мощной, быстрой машиной и легко слушался руля.

Ясность мышления, ощущение силы начали проходить, едва они отъехали километров на двадцать. Город был виден – множество огней – с вершины старой низкой горы, на которой располагалось поместье Рекенте. Эль—Неренн предпочла съехать с магистрали, чтобы никого, по возможности, не встретить.

Руки стали дрожать. Сильно. Она остановила «Тигр» на обочине и прижала ладони к лицу.

– Ты украла меня, – прошептала девочка.

Руки дрожали всё сильнее. Сердце билось, как ненормальное.

– Ты украла меня! – крикнула девочка. Эль—Неренн вздрогнула – словно ладонью по ушам. – Это не игра!

– Тихо, – произнесла девушка ровно и безжизненно. – Сиди тихо, Аголан.

Телефон – на месте, на приборной панели. Зелёный огонёк – не заблокирован. Правда, его могут прослушивать, или записывать разговор. Плевать.

Набрать номер оказалось делом непростым. Пальцы не попадали по кнопкам.

– Отвези меня обратно! – потребовала девочка. – Сейчас же!

– Отвезу, – эль—Неренн подняла пистолет, и глаза девочки расширились. – Скоро. Замолчи, Аголан, не мешай.

– Виккер Стайен слушает, – голос. Шум голосов. Музыка.

– Виккер, это эль—Неренн, – девушка ощущала, что ей с трудом удаётся говорить ровно.

Держись, Ньер. Держись.

– Эль—Неренн?! Рад вас слышать. С праздником вас!

– Вас тоже, – эль—Неренн с трудом удавалось говорить. Язык еле двигался. – У меня беда, Виккер. Большая. Я сбежала из поместья.

Пауза.

– Что случилось? Почему вы сбежали?

– Я не могу по телефону. Думаю, он прослушивается. Виккер, я сбежала. Со мной Аголан Рекенте. Прошу, помогите. Пожалуйста, – взмолилась эль—Неренн, с трудом сохраняя самообладание.

– Где вы сейчас?

– По дороге в город. Я боюсь говорить долго. Они могут найти меня. В любой момент. Пауза.

– Эль—Неренн, вы помните место, где мы разговаривали с вами, летом?

Память работала медленно.

– Да.

– Я буду там. Через пятнадцать минут. Будьте осторожны. Отключите телефон и никуда больше не звоните. Сможете прибыть туда?

– Смогу. Виккер...

– Да, эль—Неренн?

– Пусть там будет полиция.

– Вы уверены?

– Да. Прошу вас. Кто—нибудь, кому вы доверяете.

– Хорошо. Пожалуйста, эль—Неренн. Будьте осторожны. Я выезжаю.

Она добралась за пять минут. Поворот – направо, в городской парк. Остановила «Тигр» в одном из боковых проездов. Горожан пока не видно. Но они будут – после фейерверка, когда начнутся торжества.

Девочка молчала всю дорогу.

– Бабушка сказала, что скормит свиньям каждого, кто меня обидит, – тихо сообщила она.

– Аголан, – эль—Неренн с трудом сдерживала слёзы. – Ты хорошая. Ты добрая. Я не буду обижать тебя. Но ты должна запомнить кое—что. Люди – не вещи. Люди – не скот. Повтори.

Девочка молчала.

– Повтори! – крикнула эль—Неренн так, что у самой уши заложило. Девочка вжалась в сиденье.

– Лю... ди не... вещи, – пролепетала она. – Люди... не скот.

– Ещё раз, – приказала эль—Неренн.

– Люди – не вещи, – голос Аголан стал твёрже. – Люди – не скот.

– Правильно. У тебя всё будет хорошо, Аголан. Я обещаю. Если запомнишь это.

Она вышла из машины и дала, наконец, волю слезам.

Аголан не стала вылезать наружу. Сидела и молча наблюдала за ней.

– Эль—Неренн?

Виккер. Наконец—то. Рядом с ним – двое в полицейской форме.

– Это – лейтенант Рейссен и капитан Крейн. Вы в состоянии говорить?

Эль—Неренн молча обхватила его, не в силах выговорить ни слова. Оба офицера смотрели, не вмешиваясь. В конце концов, со слезами удалось совладать.

– Помогите мне, – сумела прошептать эль—Неренн. – Я не знаю, что происходит. Всё в тумане. Девочка в машине. С ней ничего не случилось.

– В полицию уже сообщали о похищении? – обернулся Виккер.

– Нет, теарриан, – отозвался Рейссен. – И это странно. Теаренти, – он подошёл к эль—Неренн, с трудом держащейся на ногах. – Позвольте... не бойтесь. Я ничего вам не сделаю, – вынул фонарик, осветил в глаза. Наклонился к её шее, осторожно потянул носом. – Ей нужен врач, – заключил он. – Срочно. Виккер, давайте к нам, в районное отделение. Там есть дежурный врач. Надёжный человек.

– Я поведу машину, – решил Виккер. – Блокировка снята? Отлично. Здравствуйте, Аголан. Я не причиню вам вреда. Сейчас вас отвезут домой.

– Я хочу с ней! – неожиданно заявила девочка, указывая головой в сторону эль—Неренн. – Она ничего мне не сделала. Правда.

– В этом есть смысл, – Крейн подошёл к окну машины. – Девочке лучше немного побыть у нас.

– Подождите меня здесь, – лейтенант Рейссен указал, где именно, и скрылся за дверью. Улица была безлюдна. Ветер доносил голоса, звуки и запахи праздника. Эль—Неренн ощутила усталость. И страх. Впервые с того момента, как вскочила со стула – там, в комнатухе, в подвале.

Аголан позволили выйти из машины.

– Ты поссорилась с бабушкой? – неожиданно спросила она. Эль—Неренн присела перед ней на корточки.

– Не знаю, – ответила она. – Наверное, да.

Девочка поджала губы.

– Ты говорила, что всегда можно договориться. Всегда.

Эль—Неренн кивнула.

Девочка подошла ближе, понизила голос.

– Ньер... если бы полиция тебя схватила, ты бы меня убила?

– Нет, Аголан, – эль—Неренн прижала девочку к себе, обняла её. – Ни за что.

– Правда? – услышала она шёпот.

– Правда—правда.

Она отпустила Аголан. Девочка долго смотрела в её глаза и кивнула.

– Я верю, – сообщила она важным голосом.

Эль—Неренн с трудом поднялась на ноги.

– Не знаю, насколько это уместно, – Виккер подошёл поближе. – У вас сегодня день рождения, эль—Неренн. Примите мои поздравления. Мне очень жаль, что так вышло.

– У тебя день рождения?! – девочка была изумлена.

– Да, Аголан.

Девочка отвернулась, отбежала в сторонку. Остановилась там.

– Что с ней будет? – спросила эль—Неренн тихо.

Виккер удивился.

– С Аголан?

– Да. Что с ней сделают?

– Вы к ней прикасались?

– Что... – эль—Неренн вновь ощутила чёрную волну, жаждущую поглотить её. – Что вы имеете в виду?!

Виккер взял её за руки.

– Эль—Неренн. Я на вашей стороне. Поверьте. Просто ответьте на вопрос. Вы к ней прикасались? К ней самой, к её коже?

– К локтям. К рукам. Ничего более.

– Ничего не будет, – заключил Виккер. – Она – последняя прямая наследница. Не беспокойтесь за неё.

Аголан подбежала к ним.

– Вот, – она протянула медальон на цепочке – серебряный, красивый с гербом дома. Её личный знак, знак наследницы. Самое дорогое, что можно подарить. – Это подарок. Ньер, возьми.

– Аголан, не надо, – мягко возразила эль—Неренн, вновь опускаясь перед ней. – У меня всё равно отберут. В полиции.

– Я хочу! – возразила девочка, топнула ногой. – Вы её друг? – обратилась она к Виккеру.

– Да, теарин, – он коротко поклонился.

– Правда? – Аголан повернулась к эль—Неренн.

Та кивнула. – Правда, Аголан.

– Возьмите, – девочка протянула медальон Виккеру. – Отдадите ей, потом. Это мой подарок! Я сама скажу бабушке!

– Слушаюсь, теарин, – Виккер бережно принял знак. – Благодарю за доверие.

– Аголан, тебе попадёт, – эль—Неренн вновь обняла её. – Сильно попадёт.

– Пусть, – девочка поджала губы. – Я с тобой не ссорилась.

Вспышка. Огромная, на полнеба. Аголан тут же про всё забыла, отпрыгнула в сторону, уставилась на небо, в восхищении.

– Я обещала показать ей фейерверк, – эль—Неренн повернулась к Виккеру. – Откуда лучше видно? Я не удержу её на руках.

* * *

– Да, – Хольте прикоснулась к её ладони. Эль—Неренн сидела молча, но слёзы текли по её лицу. – Я—то думала, это мне не повезло. Прости. Лучше бы я не спрашивала.

– Нет, – эль—Неренн вытерла слёзы. – Так лучше. Я не всё ещё рассказала.

– В другой раз, – Хольте взяла её за руку и не отпускала остаток дороги. Эль—Неренн не возражала. Закрыла глаза, откинулась на спинку и минут через десять задремала.

4. Цепная реакция

– Вы меня помните? – поинтересовался врач, и эль—Неренн его узнала. Это он! Тот самый, дежурный, что встретил их в этот невесёлый Новый год. Мир тесен.

– Полицейский участок. Новогодняя ночь.

– Верно! – врач был явно доволен. – Мы ждём вас. Уже проходили полное обследование?

– Да, – буркнула эль—Неренн. – Четыре года назад.

– Думаю, не у нас. У нас вашей карточки нет. Будет немного неприятно... позвать помощницу? Некоторые женщины меня стесняются.

– Я не стесняюсь, – усмехнулась девушка. – Разучилась.

– Превосходно. Холте, подождите там, в коридоре.

Холте кивнула, подмигнула эль—Неренн и закрыла за собой дверь.

* * *

Приятного действительно было мало. Особенно – когда потребовалось сдавать анализы. Всего, чего только можно сдать. Но эта часть происходящего оказалась короткой и вскоре эль—Неренн, почти полностью раздетую, уложили на стол. Велели закрыть глаза. Что—то жужжало, щёлкало, изредка к ней прикасались руками в перчатках. Было жутко щекотно.

– Удивительно, – голос врача, Эйзенна. Его имя эль—Неренн запомнила. – Никогда не видел настолько здорового человека. Разве что... Вам уже говорили про сбой цикла, теарин?

– Говорили, – равнодушно подтвердила эль—Неренн. – Сказали, что само не пройдёт, но в целом не опасно.

– Посмотри, – другой голос. Человека явно старше, чем Эйзенн. – Как интересно. Ты когда—нибудь видел, чтобы Maïen Vuran располагалась на спине?

– Maïen Vuran? – эль—Неренн открыла глаза. Да, их двое. Второй – явно с севера – высокий, неуклюжий на вид, светловолосый. Седой. – «Серебряный ключ»?

– Вы знаете Старое Ронно? – удивился пожилой.

– Несколько слов, – признаться, эль—Неренн и сама не поняла, откуда в голову пришёл перевод.

– Верно. Одна из «блуждающих точек». Об этом нужно знать. Вам рассказывали?

– Нет. У меня давно нет родителей.

– Сочувствую. Да, надо рассказать. Что такое активные точки, знаете?

– Знаю, – эль—Неренн повернулась на спину. Её прикрыли тонкой простынёй. Холодно. – За ушами их особенно много.

– Верно, – врач не улыбнулся. – Есть постоянные точки. Они у всех примерно в одних и тех же местах. Есть ещё пять «блуждающих». Та из них, о которой речь, наименее... хм—м—м... интимная. «Ушки гладить» приходилось?

– Было дело, – отозвалась эль—Неренн. – Так, ничего особенного. Rhines Sien, «взгляд в глаза».

Врач покачал головой.

– Однако! Пятнадцать лет в этой дыре, а такого не видел. Где вы учились?

– Где только не училась. Пять лет в школе, потом на улице.

– Ну, всё ещё будет. Эту точку не очень сложно обнаружить, но нужно знать, как. Прикасаться к ней разрешайте только тем, кому доверяете, как себе самой.

– Кончай лекцию, Симм, – голос Эйзенна. – За пять минут всё равно не объяснишь.

– Не мешай говорить с умными людьми. Перевернитесь на живот, теарин. Вот она, – палец в перчатке прикоснулся к спине – чуть левее третьего позвонка. – Запомните. Мы никому не сообщаем места расположения блуждающих точек. Кроме их владельцев.

– И для чего она? – эль—Неренн вновь повернулась на спину, встретила с врачом взглядом.

– Сон, – ответил тот. – Яркий, приятный, управляемый. Тот, кому позволите прикоснуться... сможет видеть ваши сны. Вместе с вами. Остальное найдёте в книгах. Что такое? – удивился врач. – Я прикоснулся только кончиком пальца. В перчатке. Что там у вас?

– Меня туда стукнули, – хмуро пояснила эль—Неренн. – Дубинкой. Шоковой дубинкой. Года четыре назад.

Оба врача присвистнули.

– Сбой цикла, – повторил Эйзенн. – Вы легко отделались, теарин. Знаете, что... Как будет возможность, посетите нас повторно. Это не шутка. Я оставлю номер телефона.

– Договорились. А остальные четыре точки? – эль—Неренн не отводила взгляда от глаз пожилого. В конце концов тот кивнул, усмехнулся. – Давайте. Раз уж я здесь.

* * *

Последним актом медосмотра оказалось индуктивное исследование.

– Это будет похоже на сон, – пояснил Эйзенн. – Будет жарко – не бойтесь. Нет, лучше лежать на спине. Вот так, – он прикрепил множество электродов «липучками», проверил, правильно ли. – Дать успокоительного? Многим снятся сны. Очень часто – неприятные.

– Приятных я почти не вижу, – эль—Неренн неожиданно ощутила себя страшно уставшей. – Хорошо, давайте.

Микстура оказалась вкусной.

– Закройте глаза, дышите спокойно, старайтесь ни о чём не думать, – посоветовал пожилой.

Девушка кивнула и закрыла глаза.

Минуты через три Эйзенн включил аппаратуру.

– Ты это тоже видишь? – Эйзенн указал на пространственную развёртку считываемых данных.

– С ума сойти, – Симмен подошёл поближе. – Бывает же такое. Essa—минус, «корона» первого типа. Откуда она? – он указал на спящую эль—Неренн.

– Нет сведений. Говорит, с Тирра.

– Надо выяснить. Essa—два минуса я видел всего раз десять. Чистого минуса сам не видел. Следи внимательно, второй проход.

Оба склонились над развёрткой.

– Снова «корона». Слушай, прямо как в сказке, – Эйзенн повернулся к коллеге. – Она мне в предыдущий—то раз показалась особенной. Попробую выяснить, откуда она. Так, начинается третий проход.

Симмен поморщился, шагнул в сторону. Прижал руку ко лбу.

Перед глазами всё плыло, двоилось. Окружающее словно замедлилось, стало приходиться прерывисто – словно отдельными кадрами из кинофильма. Звуки угасли, тишина давила слух.

Эйзенн бесконечно медленно протянул руку и коснулся сенсора.

Симмену показалось, что его огрели по голове, чем—то мягким, но тяжёлым.

– Двух секунд не дотерпел, – Эйзенн выглядел бледным и больным. – Думал, копыта отброшу. Что это было?

– Не знаю, – Симмен вытряхнул из пузырька, добытого из кармана халата, оранжевую капсулу, проглотил.

– Мне тоже, – хрипло попросил Эйзенн. – Дай, не жмись. Слушай, она, похоже, «пси». Скрытого типа. Надо будет изучить запись.

Стук в дверь. Голос Хольте.

– Эйзенн! Здесь человеку плохо!

* * *

Человеку было не просто плохо – хуже некуда.

– Эйзенн, – пожилой оглянулся. – Вызови санитаров. И полицию. В реанимацию его – если успеем. Кто это, интересно?

Человек был в мундире полицейского.

– Сейчас, – Хольте надела перчатки, быстро обшарила карманы пострадавшего. – Значка нет. Удостоверения тоже. Ого! – она извлекла из кобуры подмышкой длинную тёмную «Осу». – Номер сбит. Это не полицейский.

– Что случилось? – Симмен махнул бегущим навстречу санитарам.

– Вышел вон оттуда, – указала Хольте. – Я думала, ищет кого—то – заглянул в пару комнат. Потом... знаете, у меня как раз сердце схватило. Пришла в себя – вижу, лежит, лицом вниз.

Симмен встал, потемнел лицом.

– В реанимацию его, – махнул он санитарам. – Откуда он вышел, теаренти?

Хольте указала рукой.

Симмен бегом бросился в ту сторону. Завернул за угол.

– Здесь ещё один! – крикнул он. – Хольте, помогите мне.

* * *

– Весело, – Симмен, вместе с Хольте и Эйзенном, сидели в операторской. – Она ещё спит?

– Спит, – подтвердил Эйзенн. – Думаешь, лучше разбудить?

– Нет, не надо, – Симмен покачал головой.

– В общем, так, – он встал. – Пять сердечных приступов. Четыре обморока. И два труп.

Что там с пистолетами?

– Пули разрывные, – указала Хольте. – Я могу и ошибаться. Думаю, они были вместе. У них ещё телефоны – но заблокированы, а кода я не знаю.

– Ладно, пусть полиция разбирается. Мы ещё легко отделались. Хольте, просьба. О произошедшем – ни слова. Я про сердечный приступ и всё такое. Так... похоже, она просыпается. Как по часам – через пятнадцать минут.

– Помогу ей одеться, – Эйзенн вышел. – Полиция уже прибыла. Будет лучше, если они сюда не войдут.

* * *

– Как себя чувствуете? – Эйзенн проводил «пациентку» до машины. – Столовая – в соседнем здании. У нас неплохо кормят. После обследования нужно поесть.

– Теариан, – эль—Неренн усмехнулась. – Простите. Терпеть не могу больницы. Можно, где—нибудь в другом месте?

Эйзенн не обиделся. Улыбнулся, кивнул.

– Я знаю неплохое место, – Хольте дала знак водителю. – Кварталах в трёх отсюда. Очень мило, можно посидеть, поесть. У нас ещё четыре часа. Выходной, можно сказать.

– Как обратно поедете? Извините, что вмешиваюсь – меня просили убедиться, что эль—Неренн будет жива и здорова.

– Вызову машину, – Хольте показала телефон. – Это предусмотрено.

Эйзенн попрощался с ними обеими и вернулся в здание.

– Ну что, прогуляемся? – Хольте указала направление. – Ты должна быть зверски голодна.

– Точно, – эль—Неренн оглянулась. – Скажите, а вам правда это разрешили? Эту прогулку?

– Правда, – Хольте рассмеялась. – Директор лично и разрешил. Он о тебе по три раза в день спрашивает. Насчёт денег не беспокойся. За счёт заведения.

Эль—Неренн улыбнулась, и они направились по улице.

* * *

– Я здесь работала, несколько месяцев, – пояснила Хольте, возвращаясь за столик. Они зашли в кафе, «Старый очаг», и уселись в углу. Поблизости от того самого очага. – Сейчас принесут. Я заказала вот это, – она указала на меню – очень хорошая имитация пергамента. Старого, очень старого пергамента. – Нормально?

– Вполне, – кивнула эль—Неренн. – Не думала, что могу так проголодаться.

Хольте улыбнулась, поправила волосы. Ей тридцать семь, подумала эль—Неренн. Выглядит лет на шестьдесят. Шесть лет в доме Рекенте. Никогда не осмелюсь спросить, как это было.

– Вы хотели о чём—то спросить? – эль—Неренн понизила голос.

– Не знаю. Давай на «ты» – так будет проще.

– Хорошо, Хольте.

– Пока тебя обследовали, – охранница оглянулась, по привычке – никто не слушает. – В больницу заявили двое. Переодетые полицейскими. У одного в кармане было вот это, – она показала фотографию. Эль—Неренн. Фас и профиль. Эль—Неренн оторопела. Не могла понять, где и когда сделаны снимки.

– У второго такая же, – Хольте усмехнулась. – Я забрала не все улики. И пистолеты с разрывными пулями. Готова поспорить, пришли за тобой.

Эль—Неренн вздрогнула, ощутила, что сердце забилося быстрее.

– Полиция должна была забрать тебя, как свидетельницу. Они видели эти фотографии, видели тебя. Внешность у тебя очень уж приметная, – Хольте прижала палец к губам. Официант расставил на столе блюда и удалился.

– Они ко мне даже не подошли, – тихо заметила эль—Неренн.

– Точно. Наоборот, посоветовали возвращаться назад. Именно поэтому я решила не возвращаться.

– Можно подумать, мы здесь в безопасности, – эль—Неренн оглянулась.

– В большей, чем ты думаешь, – Хольте откинулась на спинку. – Но выходить отсюда не стоит.

– Так что же делать?

– Ждать, – Хольте подняла взгляд. – Поешь, хоть немного.

– Немного я уже поела, – эль—Неренн тряхнула головой. – Чего ждать—то?

– Помощи, – Хольте вынула из внутреннего кармана телефон. Нажала несколько кнопок. Выждала, глянула на индикацию, кивнула. – Думаю, осталось минут пять.

Эль—Неренн смотрела в лицо охранницы. Та спокойно выдерживала взгляд. Официант – который подал им обед – встал у стойки, вместе со своим коллегой. Иногда обмениваясь с ним парой фраз.

Минуты три прошли в полном молчании. Телефон Хольте несколько раз помигал огоньками. Она нажала ещё несколько кнопок. Тряхнула головой, и – эль—Неренн не успела понять, откуда он взялся – на столике перед ней возник пистолет.

– Если мы не поехали назад, в машине, – эль—Неренн говорила медленно. – И они знали, что мы здесь, в городе, почему не схватили по дороге в кафе?

– Ждали моего сигнала, – Хольте не отводила взгляда от глаз девушки. – Именно Старуха помогла мне и Аспиду попасть в «зверинец».

Эль—Неренн молчала. Снаружи послышался шум. Несколько машин подъехали к кафе.

– Старуха всегда получала то, что хотела, – Хольте не отводила взгляда. – Я не знаю, зачем ей нужна именно ты. Поверь, я не желаю тебе зла. Но она забрала мою дочь.

Телефон Хольте. Что—то появилось на его экранчике. Хольте взглянула... лицо её стало совершенно белым, мёртвым.

– Моей дочери больше нет, – произнесла она, едва слышно.

Эль—Неренн не ожидала, что охранница может действовать настолько молниеносно. Она ногой толкнула ножку стула, на котором сидела эль—Неренн. Оттолкнулась от пола другой ногой, поворачиваясь в падении.

Два хлопка – два выстрела.

Эль—Неренн вскочила на ноги. Рядом с тем местом, где только что была её голова, в стене виднелось пулевое отверстие. Хольте стояла, сжимая в руке пистолет. Рядом с ней лежали неподвижно два тела. Официанты – те, что были у стойки.

– Полиция! – крикнула Хольте, держа над головой что—то прямоугольное, блестящее. В другой руке сжимала пистолет. Только сейчас эль—Неренн заметила, что оба убитых были вооружены. – Всем на пол! Не шевелиться!

Испуганные возгласы, шум, скрежет. Посетители оказались послушными.

Топот. Кто—то – и не один – бежит к дверям кафе. Звуки выстрелов на улице.

– Она не оставляет свидетелей, Ньер, – Хольте взглянула в лицо эль—Неренн. – Инспектор всё расскажет. Вряд ли ты простишь меня. Но может быть, поймёшь.

Она подняла пистолет к виску.

– Нет! – эль—Неренн ощутила, что время замедляется, замедляется стремительно. Чернота сгущалась вокруг.

Она не успела бы допрыгнуть. Всё, что смогла сделать – схватить кружку и бросить так, чтобы попасть в оружие.

Попала. Послышался звон и окружающий мир рассыпался на миллионы сверкающих осколков.

* * *

– Самый страшный сон, который я мог себе представить, – инспектор Тигарр осторожно положил компресс ей на лоб, – это то, что случилось сегодня.

Эль—Неренн осознала, что находится в машине. Её почти не трясло, но скорость была неплохой – судя по тому, что мелькало за зашторенными окнами.

– Здравствуйте, инспектор, – прохрипела эль—Неренн. Горло вновь болело. – Простите, что я снова выжила.

Тигарр оторопело посмотрел на неё и... расхохотался. Покачал головой, вытирая слёзы у уголков глаз.

– Я к тебе уже привык, эль—Неренн, – сообщил он, помогая ей улечься поудобнее. – Было бы жаль потерять тебя так скоро. Кстати, мне пообещали повышение. Думаю, это твоя заслуга. Лежи, лежи. Мы уже подъезжаем.

– Что с... – начала эль—Неренн и заметила Хольте, сидящую рядом с инспектором. Охранница встретила её взгляд и опустила голову.

– Все живы, – инспектор уселся, вынул пачку табачных палочек, подумал, и спрятал обратно. – Ну, почти все. Хольте сообщила, кто и где должен изловить тебя. Ещё вчера. Давненько я не сидел в настоящей засаде.

Эль—Неренн закрыла глаза.

– Ты теперь звезда, – инспектор явно был доволен. Таким довольным эль—Неренн его ещё не помнила. – Попадёшь во все газеты.

– Это почему? – девушка открыла глаза.

– Старуха Рекенте, наконец—то, попалась по—настоящему, – инспектор подмигнул. – Двадцать два года её пытались поймать – ни единой зацепки. Ни одной улики, ни одного свидетеля. До сегодняшнего дня.

– Ей не повезло вчера вечером, – усмехнулась эль—Неренн. – Или когда у неё случился инсульт?

– Позавчера ночью, – кивнул инспектор. – Вчера у неё был день рождения.

Эль—Неренн расхохоталась – хрипло, преодолевая боль. Смех был недобрый. Смеялась долго, её не останавливали.

– День рождения, – повторила она. – Ну что же, теперь мы в расчёте.

Инспектор и Хольте переглянулись, но не стали ни о чём спрашивать.

* * *

Стук в дверь.

Эль—Неренн закрыла книгу, оглянулась.

– Войдите.

Хольте. Не в форме охранника – в повседневной одежде.

...Журналистов было много, но к эль—Неренн допустили лишь трёх из них. Предварительно инспектор, вместе с Виккером, проинструктировали девушку, о чём можно (и как именно) говорить, а о чём лучше даже не вспоминать. Всё прошло, как по маслу. Признаться, эль—Неренн было приятно.

Затем её оставили в покое. Врачи обследовали её – ещё раз – и пришли к выводу, что худшего удалось избежать. Эль—Неренн почти сразу же уснула – как провалилась. И вот, примерно в час ночи, она проснулась. Ощущала себя необычайно бодрой и готовой ко всему.

Попросила поесть – и немедленно получила то, что просила. Да уж. Здесь можно жить с удобствами – насколько в таком месте уместно слово «удобства».

Полчаса спустя она уселась в кресло, с книгой. Тот самый детектив. Перелистнула всего три страницы, как в дверь постучали.

– Можно? – Хольте замерла, не переступая порога.

Эль—Неренн поднялась, подошла к двери, протянула гостье руку – пригласила внутрь. Охранница вошла, остановилась по другую сторону порога.

Эль—Неренн закрыла дверь.

– Садись, – указала она. – Прости, у меня тут беспорядок.

– Я уезжаю, – Хольте не поднимала головы. – Не хотела тебя будить.

Она села, на краешек кровати. Эль—Неренн уселась рядом, молча.

– Инспектор расскажет тебе, – Хольте выглядела спокойной. – Не думала, что ты меняпустишь. Если можно, – она указала на дверь, – я хотела бы познакомить тебя с...

– Нужно было сразу впустить её, – улыбнулась эль—Неренн, вставая. – Я сразу почувствовала – как только ты вошла.

– Но... – Хольте была в замешательстве. – Ах да. «Угомона» тебе теперь не полагается. Войди! – позвала она, чуть повысив голос.

Дверь открылась. Девочка оказалась настолько похожей на Аголан Рекенте – видом, манерами держаться, походкой – что эль—Неренн вздрогнула.

– Лас—Тесан, – Хольте встала, – познакомься с эль—Неренн.

Девочка подошла поближе к хозяйке комнаты и поклонилась – не торопясь, с достоинством. Лицо её оставалось серьёзным.

Эль—Неренн поклонилась в ответ, стараясь не улыбаться. Присела перед новой знакомой.

– Лас—Тесан, – повторила эль—Неренн. – Красивое имя. Оно тебе нравится?

Девочка кивнула, робко улыбнулась.

– Всё в порядке, – эль—Неренн прикоснулась тыльной стороной ладони к щеке девочки. – Всё позади. Всё будет хорошо.

– Рада знакомству, эль—Неренн, – голос девочки также напомнил Аголан. Лас—Тесан оглянулась, взглянула в лицо матери. Та кивнула. Девочка поклонилась, сложив руки перед грудью, и неторопливо покинула комнату.

– Спасибо, Ньер, – Хольте также поклонилась. – Будь осторожна.

Кивнула и направилась к выходу.

– Подожди, – позвала её эль—Неренн. Подошла к охраннице, встала перед ней, глядя в глаза.

– Спасибо, что выслушала меня – там, в машине, – эль—Неренн не улыбалась. – Я не держу зла, Хольте. Надеюсь, мы ещё встретимся.

Хольте долго смотрела ей в глаза.

– Сочту за честь, – ответила она, наконец. – Мы уезжаем – к моей сестре. Поезд через полтора часа. Послезавтра я вернусь – искать работу.

– Я никуда не уеду, – выражение лица эль—Неренн оставалось серьёзным.

Хольте рассмеялась.

– Да, Ньер, я знаю. Тогда – до встречи.

Эль—Неренн некоторое время стояла, вспоминала Аголан – тогда, новогодней ночью. Интересно, как звучит её имя, – взрослое имя, которое пока не объявляли?

Дочь Хольте явно соответствовала своему имени. «Laes—a te Sann» – «Буревестник».

* * *

– Может, вина? – инспектор указал на ряд бутылок. Виккер отрицательно покачал головой.

– У меня завтра два судебных заседания. Извините, теариан, в другой раз.

Они сидели у инспектора дома. Скромный, маленький домик – на окраине города. Жилищу явно не доставало заботы.

– Давайте уж по имени, Виккер. Это же частная беседа.

Виккер кивнул, налил себе ещё минеральной воды. Голова побаливала. С эль—Неренн всегда было не соскучиться, но последние два дня – это нечто.

– «Цепная реакция», – Тигарр прочёл заголовок, бросил газету на столик. – Что самое интересное, так и было. Я думал, это мне снится – сдались почти все. Видели бы вы их лица. А уж с какой скоростью они всех закладывали – в фильмах такого не увидишь.

– Материалов на Рекенте теперь достаточно? – Виккер присутствовал при одном из допросов и знал, что инспектор прав. Настолько испуганных преступников он ещё не видел.

Инспектор утвердительно махнул рукой, допивая свой бокал.

– Вполне. Петля ей не грозит – при её—то деньгах – но зубы мы ей обломаем.

Он встал, прошёлся по комнате.

– Сорок два исчезновения, – пояснил он. – Полсотни похищений. Собственно, вы же спасали эль—Неренн – имеете представление. И ни одного свидетеля.

– Кто направил эль—Неренн служить в её дом? – поинтересовался Виккер. – Я слышал, что у дома Рекенте странная репутация, но чтобы настолько...

– Никто о ней ничего не слышал, – инспектор кивнул. – А у тех, кто слышал, есть родственники и желание жить долго и счастливо.

– Понятно. Как всегда. Так кто направил её туда?

– Пока не знаю. Их сейчас допрашивают – я, признаться, сбежал. Сил нет. Через пару дней станет ясно.

Виккер встал, подошёл к книжным полкам. Интересно... Инспектор, оказывается, интересуется историей. Военной, преимущественно. Художественных книг было немного, зато разных справочников – порядком. Стояло всё вперемешку.

– Тигарр, – адвокат потёр виски. – Вы так и не ответили. Что вы хотели узнать от меня?

Инспектор опустил взгляд.

– Кофе хотите, Виккер?

– Не откажусь.

– Идёмте, я сварю. Мне хотелось бы услышать подробности того, что случилось в ту ночь. Когда она бежала из дома Рекенте. И ещё одно – о том, как вы с ней познакомились.

– Это не... – начал было адвокат, но инспектор прервал его. Кивком предложил сесть у окна, сам направился к плите.

– Я понимаю, – инспектор ухмыльнулся. – Мы с вами встречались, раза три, в суде. Помните? Я не прошу раскрывать тайну, Виккер. Мне очень нужны эти подробности, но не для следствия. Для меня, лично. Чёрный пьёте?

– Да, с удовольствием. Мне потребуется санкция эль—Неренн, инспектор. На бумаге. И от вас – подписанное соглашение о том, что вы не используете эти сведения без её и моего согласия. Только так. И никаких записей.

– Согласен, – инспектор кивнул. – Как скажете. Можно личный вопрос, Виккер?

Он снял кофеварку с плиты, разлил содержимое по чашечкам.

– Почему вы с ней всё ещё работаете?

Виккер усмехнулся, отпил из чашечки.

– Сколько вы с ней – четвёртый год? Виккер, вы же понимаете, что это – мигрень, зубная боль и геморрой, в одном флаконе. Я слышал про ваши гонорары. Она никогда с вами не расплатится.

– Да, инспектор, – Виккеру явно было весело. – Она мне тоже нравится. Поэтому и работаю.

Оба улыбались, глядя друг другу в глаза.

– Хорошо, Тигарр, – Виккер отпил ещё. – Я скажу. Только между нами. Как только я взялся за её дело, у меня всё стало получаться.

– Талисман?

– Наподобие. Официально это называется обязательствами перед клиентом.

– Талисман из неё никакой, – инспектор допил остатки кофе. – Я с ней четыре года, как и вы, и всё наоборот – никакого просвета. До сегодняшнего дня. Ещё кофе?

– Нет, спасибо. Мне пора. Услуга за услугу, инспектор. Разумеется, конфиденциально. Вы сможете рассказать, в общих чертах, кто именно на неё охотился? Тоже для частного использования.

– Почему бы и нет. Условия те же – никаких записей.

Виккер кивнул.

– Да, кстати, – инспектор глянул на часы. – Я думал, ей дадут—таки гражданство. В качестве премии. Получается, ей ещё отработать эти её полгода?

– У нас прецедентное право, инспектор. И пятнадцать тысяч иммигрантов в год.

– Понятно. Надеюсь, на этот раз её не отправят куда—нибудь в...

– Не отправят. Даю слово.

5. Дождь и грязь

– Присаживайтесь, теарин, – директор указал на кресло напротив себя. Эль—Неренн присела.

– Формально я не имею права задерживать вас, – директор поправил очки. – Мы начислили вам шесть тысяч баллов – достаточно, чтобы выйти отсюда в любой момент. Вы уже знаете, что вам отказали в предоставлении временного гражданства на льготных условиях. Выражаю сочувствие. Я сделал всё, что мог.

– Спасибо, теариан—то.

– Мы не располагаем возможностью предоставить вам личную охрану вне нашего учреждения, теарин. Насколько я знаю, в городе вам жить негде. Я хотел бы повторить: я не задерживаю вас здесь. Но ваш адвокат и представители полиции настаивают, чтобы вас не отпускали одну.

– Хольте... Хоальтен Легвар вернулась, теариан—то. Она предлагала мне остановиться у неё.

– Да, это хорошая мысль, – директор кивнул. – Я свяжусь с ней сейчас же. Ваши вещи доставят – те, которые вы не захотите оставить у нас в хранилище.

Девушка кивнула. Хранилище здесь надёжное. Хоть что—то здесь надёжное.

– Через две недели вы должны будете прибыть на место службы, – директор вновь поправил очки. – С вами свяжутся. Пожалуйста, не покидайте город. Правила вы знаете.

Эль—Неренн встала.

– Всего наилучшего, теарин.

* * *

У ворот, за которыми начиналась территория исправительного учреждения, эль—Неренн замерла. Показалось, что один шаг за условную границу ворот перенёс её в совершенно другой мир. Звуки и запахи стали ярче, сильнее. Это длилось недолго.

Оглянулась. Стены похожи на крепостные. Электрические «метёлки» украшают их – не перелезть, не подняв тревоги. До чего она устала каждый день видеть эти «метёлки»...

При себе небольшой рюкзак. Одета не так чтобы модно, но и не пугало. Автобусная и телефонная карточки, «кошелёк» – расчётная карта. Когда открывала счёт, попросила Виккера сделать так, чтобы для снятия больших сумм требовалось его разрешение. И не зря – давно бы уже всё потратила. Книги. Так много книг! Но они ужасно дороги, а на текущие расходы выделяется всего ничего.

Хольте сообщила адрес на другом конце города. Взяла бы такси, но... жалко денег. Всего две недели на отдых, а потом – снова куда—то ехать, на кого—то работать. Виккер сказал, что нашёл хорошее место, где нужна прислуга. Опять прислуга...

– Здравствуйте! – окликнули её. Такси. И не просто, а экспресс, чёрный роскошный «Гепард» – каталась бы и каталась. Если бы была богатой.

Девушка подошла поближе к машине. Водитель высунулся из окошка, помахал ей.

– Здравствуйте, теаренти! Вы меня не узнаете?

Эль—Неренн отрицательно покачала головой.

– Я отвозил вас, под Новый год. Вас, молодого человека и двух полицейских. Совсем не помните? Из Дворца Правосудия. Вы ещё попросили остановиться на мосту.

– Да, – эль—Неренн улыбнулась. – Теперь помню. Испортила я вам праздник...

– Ну что вы. Подвезти?

– Нет, спасибо. Если честно, я не при деньгах.

– Никаких денег, теаренти. За мой счёт. Прошу.

Эль—Неренн не решалась подойти ближе. Да, она вспомнила его лицо. И никакого беспокойства не испытывала. Но ей чётко сказали, как именно следует добираться. На чём можно, на чём нельзя.

– Понимаю, – водитель кивнул. – Если хотите, я позвоню, меня проверят.

Я ещё пожалею, подумала эль—Неренн. Кивнула, подошла ближе. Дверца открылась.

Внутри оказалось уютно. Не просто «Гепард», а представительский – зал совещаний, спальное место и комната отдыха – одновременно. Эль—Неренн подавила желание улечься на длинном удобном сидении. Очень хотелось. Один вид этого сидения предлагал устроиться удобнее и подремать.

– Куда вам? – водитель выглядел молодо, хотя ему под сорок. Эль—Неренн протянула карточку с адресом.

– Через двадцать минут будем на месте, – он вернул карточку. – Может, прокатить вас? Не думайте о деньгах.

– Меня ждут, теарян. Лучше в другой раз.

Водитель кивнул, и машина тронулась. Эль—Неренн ненадолго вжало в сидение, но это был единственный признак того, что они в пути. Двигатель было едва слышно.

– Я тогда был на мели, теаренти, – водитель взглянул на неё в зеркало заднего вида. – Думал продать машину, бросить дело. А через неделю... нет, через месяц – я уже был богачом. Клиенты пошли – отбою не было. Я вас и запомнил – с вас всё началось. Ну а вчера прочёл о вас в новостях.

Эль—Неренн кивнула, улыбнулась. Водитель улыбнулся в ответ и молчал остаток дороги.

Дом оказался новым – не самый престижный район, но из приличных.

– Вам сюда, – водитель указал. – Хорошее место, тихое. Вот, возьмите, – протянул ей визитку. – Вызовите, если потребуется. Приеду с удовольствием.

– Вам не влетит за то, что прокатили бесплатно?

– Нет, – он улыбнулся во весь рот. – Я один из владельцев этой компании. Знаете, люблю иногда поездить, сам. Как сегодня. С детства люблю машины, теаренти.

* * *

Привратник впустил её почти без вопросов, хотя и ему, несомненно, видеть альбиносов доводилось нечасто. Эль—Неренн уже привыкла к тому, что на неё глазекот – раз уж родилась, буквально, белой вороной, надо с этим жить.

– Хозяйка велела позвонить, когда вы придёте, – привратник распахнул перед ней двери. – Вот ваш ключ. Пожалуйста, снимите перчатку... приложите ладонь сюда. Спасибо.

– Для чего это? – то, к чему она приложила ладонь, неприятно напоминало вездесущие охранные устройства «зверинца» и то окружение, в котором там живёшь – решётки со всех сторон, охрана со всех сторон, вечная «вата в ушах» от «угомона» и неизбежное ощущение собственного ничтожества.

– Чтобы замок запомнил вас, теаренти, – привратник указал. – Вставляете ключ, прикладываете пальцы вот сюда. Да, достаточно одного. Тогда вас впустят.

Эль—Неренн кивнула и вошла.

Неплохо устроилась Хольте! Обстановки почти не было – видно, живёт здесь недавно – но апартаменты скромными не назвать. Если так живут безработные, надо срочно оформиться безработной!

Обследовать все апартаменты эль—Неренн не рискнула. Побоялась заблудиться. Эхо её шагов отдавалось отовсюду – ничего и никого нет. Обоняние подтверждает. Ощущать все запахи, всё их разнообразие оказалось очень приятным. Хотя врачи говорили, что последствия «угомона» проходят иногда месяцами.

Отыскала ванную комнату и умылась. Всё время было неприятное ощущение – наверное оттого, что кругом были зеркала. Не люблю зеркала, подумала эль—Неренн, стараясь не встре-

чаться взглядом с отражением. Но и без взгляда ему – ей – в глаза чувство, что смотрят в спину, становилось всё более и более неприятным.

На одной из дверей – небольшая записка. «Ньер, располагайся – буду ближе к вечеру». И подпись – одна буква.

Внутри... да, такого эль—Неренн не ожидала. Гостиница, да и только. Причём из дорогих. В «номере» была спальня, кабинет... нет, пора, пора регистрироваться безработной.

Эль—Неренн сделала всего три шага, как почувствовала, что смертельно устала. Сил не хватило добраться до кровати. Пришла неубедительная мысль, что следует подняться и сделать ещё пару шагов, но...

* * *

Эль—Неренн проснулась – рывком. За окном сгущались сумерки. Вскочила на ноги. Часов в комнате не было. Проспала до вечера. Однако!

Чувствовала себя спокойной, отдохнувшей, жутко голодной. Первым делом ещё раз умылась. Просто великолепно. У входа в «номер» обнаружили коробки и два чемодана. Пришлось её вещи. Значит, Хольте уже дома – будить не стала. А ведь эль—Неренн считала, что спит чутко.

Так, посмотрим, во что тут можно переодеться. Прямо сказать, переодеться было почти не во что. Девять десятых времени эль—Неренн жила либо у знакомых разной степени случайности, либо снимала недорогие комнаты. Та одежда, которая чудом пережила неизбежное в таких случаях воровство, выглядела менее чем прилично. Но выбор невелик.

Ощущая себя бедной родственницей – надоедливой, никчёмной бедной родственницей – эль—Неренн осмелилась выглянуть наружу.

Судя по звукам, работает телевизор. Музыкальная программа. Точно, в «первой гостиной» – ближайшей ко входу в апартаменты – виден свет, отблески на стенах. И не просто телевизор, а «волшебная комната» – можно смотреть панорамное или объёмное кино. С ума сойти. Откуда всё это?

– Проснулась? – Хольте появилась из—за поворота. – Ты должна быть голодной. Идём, сюда.

Эль—Неренн потребовалось некоторое усилие, чтобы соблюдать правила приличия за столом. До того хотелось есть. Хольте, сменившая облачение, уже не выглядела полицейским. Или охранником. Если не всматриваться в её глаза – казалась милой пожилой родственницей. Тётушкой, скажем.

– Знаю, о чём ты подумала, – Хольте предложила кофе и эль—Неренн не стала отказываться. – Откуда у безработного охранника деньги на всё это? Я как раз хотела поговорить с тобой об этом.

– Именно со мной? – удивилась девушка.

– С тобой. Идём туда, в южную комнату. Ты не любишь зеркала, я знаю. Там их нет.

«Откуда ты знаешь про зеркала?»

«Южная комната» – ещё одна гостиная – напомнила, неуловимо, то самое кафе с камином. Хольте поставила кофейник с чашками на столик, села рядом в кресло. Эль—Неренн уселась напротив.

– Мне показалось, что ты... служишь в полиции.

– Да, теперь – служу, – кивнула Хольте. – Там, в кафе, у меня просто был значок. Так предложил инспектор. Не думала, что он так грамотно устроит засаду.

– Грамотно?

– Я работала в охране три года. Три ранения, почётный знак – видела «золотой щит»? У меня их два.

Эль—Неренн отпила кофе, опустила взгляд, ожидая продолжения.

– За десять дней до твоего перевода в «зверинец» со мной связался Аспид, – Хольте откинулась на сидение. – Сказал, что его люди знают, где моя дочь. Что Старуха хочет от меня ещё одну небольшую услугу. По—родственному, так сказать.

Она уселась в кресле, выпрямилась.

– Я его едва не застрелила. Но дочь... я позвонила, куда он сказал. Потом... в общем, подробности не нужны. Её действительно похитили, я проверила это. Аспид сказал мне, что сделать, кого найти и для чего. Тогда я о тебе почти не знала.

– Почти? – эль—Неренн подняла взгляд.

– Я знала, что «Мама Львица» тобой очень недовольна. Что запретила тебе работать на своей территории. Что заплатит за твою голову, если ты нарушишь запрет.

– Голову?

– Она собирает головы. Никогда не видела её коллекцию?

– Нет, – эль—Неренн ощутила, что её пробирает озноб. Она запомнила запах – Львицу легко опознать по нему; действительно, напоминает запах дикого зверя. Голос запомнился смутно – Львица говорила шёпотом. Ни лица Львицы, ни даже очертания её, внешнего вида – ничего такого не видела. Но то, что удалось запомнить, запомнилось навсегда. Особенно – её знак, татуировка на сгибе левого локтя. Пять треугольничков, пять коготков. Глупая девочка захотела работать у самой Львицы...

– Это страшно, – Хольте налила им обоим ещё кофе. – Я видела. Предпочту больше не видеть. Аспид сообщил мне всё, что нужно. Я не знала, что он служит Старухе – пока не поговорила с ним.

Эль—Неренн взглянула ей в лицо. Хольте прикрыла глаза и продолжила.

– Ньер, мне было совершенно безразлично, что с тобой станет. Аспид дал понять: буду помогать – Старуха заплатит. Откажусь хоть в мелочи – она вышлет мне мою дочь. По частям. Я знаю, кто такая Аллирон ан Рекенте, Ньер. Она всегда выполняет обещания. Я служила у неё семь лет.

Эль—Неренн отвела взгляд в сторону.

– В тот вечер, Ньер. Когда ты сумела выбраться из карцера, разрешила себе горло. Я поняла, когда увидела. Когда ты чуть не разорвала Сурка на части.

– Сурка? – эль—Неренн взглянула непонимающе.

– Того, толстого охранника. Он давно служит Старухе. Я иногда думаю, что Львица по сравнению с ней – мелочь, мелкая неприятность. В общем... я увидела, как ты бросилась, Ньер. А потом увидела, что стало с Аспидом.

– Он жив?

– Уже нет. Сумел покончить с собой. Думаю, легко отделался. Львица собиралась выкрасть его – есть у неё свои счёты. Но я успела поговорить с Аспидом. Когда я называла твоё имя, чувствовала – вот—вот обделается со страху.

Эль—Неренн невесело усмехнулась.

– Это правда, Ньер. Аспид ничего не боялся. Не знаю, как Старуха держала его в узде – он убивал из удовольствия. Он сказал, что всё ещё видит твои глаза. Уже после того, как ослеп.

Она поставила пустую чашку на поднос и встала.

– Я рассказала всё инспектору, в ту же ночь. Утром со мной связалась Старуха. Сказала, что заплатит... в общем, много, если я доведу тебя до одного из условленных мест. Про дочь – ни слова.

Хольте отошла на несколько шагов.

– Я спросила её, что с моей дочерью. Мне сказали, что придётся поработать, чтобы мне её вернули. Что я виновата, вместе с Аспидом, что тебя не взяли в «зверинец». Что не увижу дочь живой, если ты снова ускользнёшь.

Эль—Неренн смотрела ей в лицо.

– Там, в кафе... Мне сообщили, что дочь мертва. Старуха любит точность во всём, Ньер. Она играет иногда, как кошка с мышью, но подолгу не мучает. Львица в этом смысле страшнее. Я получила извещение, что моя дочь убита. Дальше было понятно – я была уже не нужна. Старуха прекрасно знала, что я попытаюсь отомстить. Думаю, она с самого начала не собиралась возвращать мне Лас.

Хольте вновь вернулась в кресло, вынула из кармана пистолет. Тот самый. Эль—Неренн вздрогнула.

– Ей ты нужна живая или мёртвая, Ньер. Запомни. В центральном морге работал её человек – он должен был доставить тебя к ней, ещё тёпленькую. Стрелять разрешалось только в голову.

Эль—Неренн ощутила, что ей становится страшно.

– Пистолет заело, Ньер. Даже если бы ты промахнулась... он уже никогда не выстрелит. В нём столько всего сломалось – инспектор не поверил, даже взял на экспертизу.

Эль—Неренн осторожно взяла оружие, подержала в руке. Ощущение было неприятным.

– Старуха не приказывала убить мою дочь. Это был один из полицейских – один из тех, кого она купила. Я сама арестовала его, Ньер. Он стрелял в упор – почему не попал, не знаю.

Она налила себе ещё кофе. Эль—Неренн положила безвредный уже пистолет на столик.

– Я чуть не разорвала его на части. Как ты – Сурка, в ту ночь. Когда мы с тобой пришли в кафе, полиция уже обнаружила место, где держали Лас. Знаешь, что там случилось?

Эль—Неренн подняла взгляд.

– Один из похитителей умер секунды через три после того, как получил приказ убить заложницу. Просто умер – без видимых причин. Второй споткнулся – так сказал инспектор – и случайно прострелил себе шею. Почти в тот же момент.

– Всё, Ньер, – Хольте протянула руку, прикоснулась пальцами к ладони гостьи. – Если бы мне рассказали такое – я бы не поверила. Не думаю, что ты согласишься. Если можно, я не хотела бы больше говорить об этом. Никогда.

– Я верю, – Эль—Неренн сжала её ладонь в своей... затем отпустила, встала. Прошла до стены и обратно.

– Да, я начинала о деньгах. У Старухи есть пунктик. Она считает, что покупается и оплачивается всё. Она заплатила, Ньер. Оба раза. Как и обещала. Забавно, верно? Я удивлялась, почему её почти никогда не предают. Она умеет быть благодарной. Мне кажется, она богаче всех людей на свете, вместе взятых. И всегда выполняет обещания.

Хольте встала, остановилась перед Эль—Неренн.

– Я хотела попросить тебя распорядиться деньгами, Ньер. Это деньги за твою голову. Наверное, я должна была вернуть их – но не смогла. Прости.

– И сколько я стою? – усмехнулась Эль—Неренн.

Хольте наклонилась, вынула карандаш и написала на салфетке сумму.

Эль—Неренн потеряла дар речи, увидев единицу и пять нулей.

– Ты зачем—то нужна ей, Ньер. Она не отступится. Сейчас ей оборвали щупальца – по твоему делу проходит больше сотни человек. Но она никогда не сдаётся.

– И что же мне делать? – поинтересовалась Эль—Неренн, вновь ощущая страшную усталость. Бежать? Без документов, почти без денег, с репутацией возмутительницы спокойствия?

– Жить, – Хольте прикоснулась ладонью к её щеке. – Если согласишься, я помогу тебе. Я сама уязвима – Лас снова могут похитить. Но я хочу закончить начатое. Я слишком давно об этом мечтаю.

– Убить её?

– Превратить её жизнь в кошмар. Сделать то, что она сделала с моей жизнью. Я добыю своего. А насчёт этого... – она указала на стены вокруг. – Подарок города. За особые заслуги.

Хотя какие там заслуги – вспомнила имена – те, что упоминал Аспид – и сообщила полиции, – Хольте рассмеялась. Смех звучал невесело.

– Хольте, – эль—Неренн подняла взгляд. – Тебе нужны деньги. Я представляю, сколько будет стоить обучение Лас. Я ведь сама собираюсь учиться.

– А тебе не нужны?

Эль—Неренн засмеялась.

– Мне этого слишком мало. Мне нельзя доверять деньги, Хольте. Я потрачу их завтра же.

– На что же? Наряды, путешествия, драгоценности?

– Книги, – эль—Неренн стала совершенно серьёзной. – Хотя нет, вначале дом. Куда можно будет их положить. Потом – книги.

– Любишь читать?

Эль—Неренн кивнула.

– Я помню... у моих родителей была библиотека. Огромная, – эль—Неренн взмахнула руками над головой. – Я хочу вернуть её. Или собрать заново. И поеду учиться. Мама хотела отправить меня в Университет.

– В Тессегер?

– Нет, в Тегарон. Хотя, – эль—Неренн наклонила кофейник над чашкой – пуст. – Это всё мечты. Когда я ещё столько заработаю.

– Дом у тебя уже есть, – Хольте уселась. – Нет, не перебивай. Не захочешь жить здесь – я найду тебе жильё. Если не хочешь от меня помощи – скажи, я не обижусь. Я всё понимаю. Тогда возьми хотя бы часть денег, раз не хочешь брать всё.

– Хольте, – эль—Неренн подняла взгляд. – Я буду слишком беспокойной гостьей.

– Не гостьей, Ньер. Хозяйкой.

– Я кого угодно вывожу из себя. Я знаю.

Хольте пожала плечами.

– Со всеми всегда можно договориться. Верно?

Эль—Неренн кивнула.

– Я не тороплю, Ньер. Сколько у тебя времени? Две недели? Оставайся здесь. Отдыхай, пока можно.

Эль—Неренн отвернулась, подошла к окну.

– Я согласна, Хольте, – отозвалась она. – Спасибо. Я не буду сидеть на шее, не беспокойся. Только... у меня есть несколько привычек.

– Не любишь смотреть в зеркало.

– Это тоже. Ещё я люблю оставаться одна. Совсем. Никого не впускать, ни с кем не говорить. Если это тебя не очень...

– Нет, вовсе нет, – Хольте покачала головой.

* * *

Полночь почти наступила, но спать никому из них не хотелось.

– Завтра я ещё не на службе, – сообщила Хольте. – Придётся поехать по городу, бумажек нужно подписать – ужас.

Эль—Неренн изучала книжные полки. Интересного здесь было мало.

– Почти все вещи у сестры, – пояснила Хольте. – Я, как и ты, всё своё с собой носила. Почитать здесь нечего, извини.

Эль—Неренн сняла с полки толстую разноцветную книжку. Прикоснулась пальцем к картинке на обложке – картинка ожила. Нарисованный поезд вздрогнул и отправился в путь. Нарисованный же вокзал быстро остался позади. Вокруг стали мелькать деревья – необычные, сказочные, живые. Эль—Неренн улыбнулась и прикоснулась к обложке ещё раз. Картинка замерла.

– Это Лас, – Хольте махнула рукой. – По миру меня пустит. Увидела – и всё, не отстала. «Живые картинки», месяца три всего как продаются. Видела?

– Видела. Сама в руках не держала. И это интересно?

– Даже для меня, – Хольте кивнула. – Там можно выбирать – вон, видишь? Знак вопроса. Можно выбрать, что будет дальше. Лас первым делом сделала всем сказкам счастливый конец.

– Правильно, – кивнула эль—Неренн, перелистывая несколько страниц.

– Звук тоже есть – вон там, сбоку. Посмотри, если интересно. Это модно – столько книг переделывают вот в это, но стоит... Говорят, скоро обычных книг не останется, только такие.

– Останутся, – эль—Неренн вернула книгу на полку. – Никуда не денутся. Можно ещё кофе?

* * *

– Ещё кофе? – инспектор вопросительно взглянул на Виккера. Тот кивнул.

– Суд не скоро, – Тигарр тяжело опустился в кресло. – Следствие будет ещё полгода идти, готов поспорить. Тем более, замешана Рекенте – значит, придётся повозиться.

– Вы хотели услышать, как я с ней познакомился, – напомнил Виккер. – Давайте так. У вас должен быть отчёт о её задержании. Расскажите, что там. Потом – расскажу я. Это всё было в одну и ту же ночь. Меня как раз вызвал... э—э—э...

– Чучельник.

– Он самый. Никогда не забуду ту ночь. Так как всё началось?

Дождь всё лил, и лил, и конца не предвиделось. Видимость заканчивалась шагах в двадцати. Если не включать прожектор.

– Ничего не будет, – проворчал Криссен. – Зря время потеряем.

– Источник сообщил – пойдут здесь, – возразил его напарник, Майерт. – Всё надёжно. Погода видишь какая? Вполне могли отстать. Будем ждать.

Если бы не радарные «колючки», которыми украсили окрестные деревья, приближения «гостей» заметить бы не удалось. Глазами.

– А вот и наши курьеры, – проворчал Майерт, набрасывая на голову капюшон. – Работаем. «Крапива», это «Ива». Объект здесь, двойной, движется на север, к оврагам, приём.

– «Ива», разрешаем захват. «Клевер», «Мята», прикрываете, конец связи.

– «Крапива», – проворчал Криссен, проверяя снаряжение. – В тот раз были птицы. Скоро до микробов дойдём.

«Объект» оказался парой девушек. Совсем молодых – это выяснилось уже потом. Несомненно, они и не подозревали о засаде, потому что растерялись – обе.

– Полиция! Ни с места! Вы нарушаете закон о перемещении в приграничном районе...

Самая дурацкая часть в каждом задержании. Полагается чётко оповестить нарушителя, кто и за что его сейчас арестует. Нарушитель, как полагали авторы процедуры, немедленно смиряется со своей судьбой, не сопротивляется, не бежит...

И не кусается!

Та, которую Криссен поймал первой, бросила «вязанку» – груз – и первым делом впиалась в руку. Не помогли даже защитные перчатки. Девушка, закутанная во что—то чёрное, подхватила «вязанку» и ловко юркнула в кусты.

– Зараза! – крикнул Криссен, выхватывая «Молот». Только пластиковые пули. Только в крайнем случае. Шоковые дубинки – на минимум поражения. Гуманисты! Укус, поди, залечивать придётся неделю. – Стоять! Стоять, иначе стрелью!

– У меня чисто, – голос Майерта. – Взял вторую. «Мята», есть задержанная, маяк двенадцать, вышлите людей. Преследуем второго курьера, конец связи.

Преследовали они её долго. Гроза, темнота, бесконечный треск – помехи – в передатчиках. Несколько раз Криссен чудом не выколол себе глаз.

– Вот она, – шепнул Криссен, указывая на край оврага. Девушка прижалась к склону... если бы не прибор ночного видения (Криссен включил его, рискуя «поймать» вспышку молнии), её не заметили бы. – Стоять!

Пуля попала в неё рикошетом. Случайность. Иначе девушка бы канула в овраг – и никакой гарантии, что её успели бы перехватить на этой стороне границы. На той, несомненно, курьеров уже ждут – и минуты через три – никаких улик. Обычная деревенская девушка. Собирающая дрова. Правда, под проливным дождём и ночью, во мгле, но это уже мелочи.

Сказать, что задержанная сопротивлялась – значит, не сказать ничего. И у Криссена, и у Майерта появилось по несколько серьёзных царапин, а Криссен дважды чуть не лишился глаза.

– Под газом, – прохрипел он, сумев, наконец, сковать её руки «хомутом». – Слушай, ну и силища.

– Времени мало, – Майерт сплюнул. Идти по доброй воле девушка не хочет, а доставить её надо живой и годной для допросов. – Если под газом – долго не выдержит, «сгорит».

– «Крапива», взяли второго курьера, конец связи.

Возле самой машины (девушку всё ещё приходилось волоочь) число задержанных едва не уменьшилось.

Как она сумела сбросить «хомут» – непонятно. Сумела. Ещё раз цапнула Криссена и, оставив ему на память чёрную накидку, кинулась назад, во тьму. Не забыв про «вязанку».

Майерт успел выхватить дубинку и метнуть ей в спину – как дротик.

Синяя вспышка. Девушка взмахнула руками, вскрикнула и рухнула в грязь.

– Зар—р—раза, – Криссен осторожно подошёл к ней. – Вызывай машину. У меня острое ощущение, что один из курьеров погиб при попытке к бегству. Ты смотри – до кости прокусила.

Девушка ворочалась в грязи, но как—то странно. Что—то не то стонала, не то напевала.

– Что за... – Майерт посветил фонариком. – Крис, – засмеялся он. – Смотри, ей понравилось!

– Что?!

– «Поёт» она, вот что. Хорошо пошла дубинка.

– Я ей сейчас добавлю, – Криссен шагнул ближе. – Проклятие, кровь не могу остановить. Точно, под газом – небось, товара нюхнула. Смотри, как ей весело... чтоб ты сдохла!

– Что, бросим её здесь, в канаве?

– Поздно. Уже объявили, что взяли обеих. Вон, слышишь – ломаются. Ладно, помоги...

Девушка казалась беспомощной... удивительно, но у неё были белые, совершенно белые волосы. Без накидки ей было бы не скрыться.

Криссен поднял её за шиворот... и вновь чуть не лишился глаза. На этот раз он действовал быстро. Одной рукой обхватил шею девушки, сзади, в клещи, а другой – сжал ей основание подбородка. Девушка вскрикнула... громко, жалобно... и обмякла.

– Ты спятил, Крис? – Майерт не сразу оторвал его руку от горла пойманной. – Покалечишь! Уймись!

– Всё равно сдохнет, – Криссен был зол и не скрывал этого. – В какой—нибудь канаве. Завтра или через неделю.

Девушка рывком схватила его за запястье, сжала так, что Криссен невольно упал на колени, едва не вскрикнув от боли.

– Ты сам, – светлое, жуткое лицо с горящими красными глазами приблизилось к лицу полицейского. – Сдохнешь в канаве! В канаве! В ка...

Майерт – перепуганный, как и Криссен, – легонько стукнул её по затылку и этого, наконец, хватило.

– Вот же... – Криссен не сразу поднялся. – Слушай, я чуть в штаны не наложил. Никогда такого не было. Чем она надыхалась?

– Не знаю, – руки Майерта дрожали. – Всё, в машину её – хватит. Не думал, что так испугаюсь какого—то нарка.

– Я испугаю тебя, – прошептала девица и Крис вздрогнул, чуть не выронил её. Но глаза задержанной были закрыты, а мышцы – расслаблены. – Испугаю...

И это всё. Более они не услышали от неё ни слова. К огромной своей радости.

– Ньер, что с тобой? – Хольте вскочила на ноги. Эль—Неренн, увлечённо листавшая одну из «живых книг», поднялась, выпрямилась. Лицо её стало пустым, обе ладони она судорожно прижала к животу.

Хольте сумела довести эль—Неренн до ванны. Там Ньер уселась прямо на край ванны и замерла, перед зеркалом, сжав зубы.

– Порядок... – прошептала она не своим, странным голосом, и Хольте вздрогнула. – Взяли обеих... удачная наводка.

– Порядок, – Майерт помог донести задержанную – всю в грязи, тряпочную и жалкую – до приёмного блока. – Взяли обеих. Удачная наводка.

– Где их груз? – сержант не без отвращения взглянул на грязную и мокрую девицу и перевёл взгляд на «вязанки». – Это?

– Точно, – Майерт надел перчатки, ловко вынул один из средних «прутьев», переломил. Белый порошок. – Странно... Это же сода! Ладно, не наши заботы. Я отвезу Криссена в больницу – руку штопать. Укусила она его.

– С ней – как обычно?

– Да. Вымыть, дать «угомон» и – в клетку, до утра.

– Вторая жива?

– Ещё как. Мигом раскололась. Говорить начала ещё в машине.

– Валит, небось, на эту?

– Само собой. С этой придётся повозиться.

– Ничего, капитан ей вправит мозги. Если ещё остались.

– Лучше? – Хольте помогла эль—Неренн подняться. – Похоже, у тебя был длинный день. Это «угомон», я знаю. От него и не так бывает. Сейчас я заварю тебе чая... а потом пойдёшь спать. Пора.

– Ничего приятнее «угомона» не придумали? – эль—Неренн не нравился собственный голос – хриплый, неживой. Горло снова заболело.

Хольте рассмеялась.

– Придумали, конечно. Для особых случаев. Дорогое это удовольствие... вот, садись поудобнее и пей. Медленно, ещё горячий.

– Но это было примерно в час ночи, – уточнил Веккер. – А мне позвонили полтретьего. Кто там был? Сержант Тоэн?

– Да, – согласился инспектор. – Тоэн заступил на дежурство в полночь, когда эль—Неренн уже положили в «клетку». Он первым и заметил.

– Вызовите врача, – Тоэн постучал в окно дежурному. – С задержанной плохо. Дежурный с проклятиями проследовал за ним.

– Ломает её, – мрачно заметил дежурный. Девицу действительно ломало – и буквально, и переносно. Перекатывалась по всей «клетке», при этом издавая жалобные, тихие звуки. Видно было, что у неё жар.

– Возишься с ними, как с маленькими, – дежурный посветил фонариком. – Да, вызывайте врача. По мне, пусть лучше сдохнет.

Тоэн положил трубку и вернулся в приёмный блок. Девушка была единственным «экспонатом» – остальные четыре клетки пустовали. Сообщницу этой уже отвезли в городское отделение – там получше, почище... а главное, не им за неё отвечать. Смотреть на то, как бело-волосую «ломает», было неприятно и... как—то неудобно.

Шаги, раздавшиеся за дверью, нельзя было перепутать ни с чьими другими.

– Чучельник?! – поразился дежурный. Правду говорят, у Тоэна с головой не всё ладно. Чучельника! Патологоанатома! Он бы ещё окулиста вызвал! – Он—то здесь на кой?

– С живыми я тоже умею обращаться, – Чучельник, как всегда, был жизнерадостен и быстр. При его габаритах соседство с ним было небезопасным. Дежурный отшатнулся, по привычке – хотя Чучельника никогда не сопровождал трупный запах, что бы там ни говорили. – Эта, что ли? Маска в вашем зверинце найдётся?

– Всё в медпункте, – указал Тоэн рукой. Чучельник протиснулся в комнатку – медпункт – что—то там уронил (но не разбил), и выбрался почти сразу, с тремя масками. Вручил «зрителям». Вид у тех был кислый.

Чучельник отпер дверь «клетки», опустился на колени перед девушкой. Осторожно прижал её голову к «подстилке» – коврику на полу – мягко прижал руки, чтобы не вырывалась, заглянул в глаза. Провёл «кисточкой» по лбу, за ушами, осторожно вышел из «клетки», затворил за собой дверь.

– Вызывайте «Скорую», – приказал он, глядя, как вокруг опущенной в пробирку «кисточки» возникает малиновое пятно. – Срочно. Кто брал эту?

– Криссен. Майерт повёз его в больницу, руку она ему прокусила.

– Можете его поздравить, – Чучельник стащил с себя маску. – У него были дочери?

– Нет, вроде, – Тоэну не понравилось слово «были».

– Теперь есть. Он её инициировал.

Дежурный расхохотался.

– Да уж, подарочек... Сейчас вызову.

– Поторопись, – Чучельник разом утратил жизнерадостность. – С ней совсем плохо. Ну—ка, гляну—ка ещё разок...

– Возится с ней, – дежурный смотрел на девушку со смесью отвращения и жалости. – Что в ней такого? У нас такие десятками мрут. Только на этой неделе восемь было.

– Вызовите кого—нибудь из иммиграционной службы, – Чучельник вернулся из «клетки» минуты через три. – Да побыстрее. «Скорая» в пути?

– Будет через пять минут. Слушай, что ты так с ней возишься? Кто она такая?

– Не знаю. Пока что. Но у Криссена неприятности, это точно. Ему лучше приехать. По дороге найти адвоката.

– Да что стряслось?

– Предварительный анализ крови, – Чучельник помахал лентой, которая вылезла из «чёрного ящика» – системного анализатора. Всё, что полагалось иметь в этом отделении. – Никаких наркотиков, никаких заболеваний. Ручаюсь, внешних паразитов у неё тоже не было.

– Не было, – подтвердил Тоэн. – Я даже удивился.

– Группа крови довольно редкая. Подозреваю, что девушка из серьёзной семьи. Очень серьёзной. На локоть её смотрели?

– Пять когтей, – Тоэн указал на журнал регистрации. – Метка Львицы. Её курьер. И что с того?

– Не знаю, – Чучельник выпрямился. – Ага, уже бегут. У меня плохие предчувствия, вот и всё. Предчувствиям я верю.

* * *

– Вызвали меня, – Виккер взял из вазы гроздь винограда. Отщипнул ягоду. – Замечательный сорт... надо запомнить. Я был тогда мальчиком на побегушках. Практикант, первые семь дел я благополучно провалил – то есть, мне не дали провалить, отстранили...

* * *

В приёмном блоке сразу стало тесно. «Скорая» – трое мрачных верзил в белых халатах – Чучельник (тоже отнимавший драгоценное место), Тоэн, Виккер и дежурный. Последний поспешил уйти к себе, как только представилась возможность.

Чучельник обменялся со старшим бригады несколькими фразами, пока девице делали укол, чем—то протирали лицо и шею, укладывали назад на жёсткую койку.

– Судя по группе крови, она нездешняя, – заключил он. – Я уезжаю. Теарин, – обратился он к Виккеру. Последний не производил впечатления солидного и опытного работника. Пришли кого придётся, надо полагать. – Попробуйте выяснить, не проходила ли она по вашему ведомству. Где Майерт, где Криссен? До больницы пять минут езды.

– Я их вызываю, – отозвался Тоэн. – Пока не отвечают.

– Пусть поторопятся. Отвезёте в стационар? – обратился он к старшему.

– Пусть лекарство подействует, – отозвался тот. – Сейчас её нельзя везти. Многочисленные ушибы, порезы, следы от шоковой дубинки. Чудом не искалечили, костоломы.

– Это всё к Майерту, – Чучельник набросил плащ. – Если что, звоните – я здесь рядом.

– Подождём в машине, – пояснил старший. – Минут через десять ей станет лучше. Как придёт в себя, осмотрим ещё раз и отвезём в стационар. Сержант, подготовьте пока документы. Уже третья за ночь, хоть в штабель их складывай. Обожаю полнолуния.

Пока сержант возился с бумагами, Виккер, ощущая себя совершенно ненужным, подвинул стул ближе к «клетке» и сел, глядя на неподвижно лежащую девицу.

Альбинос. Впервые в жизни он видел альбиноса, воочию. Пять минут назад, когда врачи чуть ли не привязывали её к койке, она выглядела чудовищем. Сейчас она выглядела просто девушкой. К тому же красивой – особенно, если переодеть и причесать. Дверцу «клетки» заперли неплотно, и, несмотря на мощный запах лекарств, на работающий кондиционер, Виккер ощущал «духи» девицы. Завораживающий, притягивающий запах. Ну да, конечно. Так и должно быть.

– Помогите мне, – услышал он шёпот. Виккер не сразу сбросил с себя сонливость. Прошло минуты три, а показалось – полночи. Сержант удалился в другую комнату, с кем—то резко говорил по телефону.

Виккер поднял взгляд. Девица сидела, на коленях, у самой дверцы и первым желанием было отпрыгнуть подальше. Видно было, как ей плохо. Но взгляд был осмысленным.

– Помогите, – она протянула руку, схватила его за запястье. Рука оказалась горячей, обжигающе горячей. – Пожалуйста...

– Теарин, – Виккер сам не знал, почему это говорит. Девица явно не в себе, – проснувшись, может ничего не вспомнить. Но её глаза!

– Я практикант, теарин. Вряд ли я смогу вам помочь. У меня совсем мало опыта.

– Сможете, – альбиноска закрыла глаза. – Прошу, помогите.

– Хорошо, – Виккер готов был сказать что угодно – лишь бы она его отпустила. В тот момент он меньше всего думал о своей карьере.

Девица тут же отпустила его руку, свалилась на бок, замерла.

– О, нам уже лучше! – старший бригады заглянул в блок. – Отлично. Ещё один укольчик – и поедем. Что она сказала? – обернулся он к нервно потирающему руки Виккеру.

– Просила помочь.

Старший кивнул. С улицы послышался шум и в комнату минуты через две вошёл Майерт. Но в каком он был виде...

* * *

– Надеюсь, вы не будете смеяться, – Виккер поднялся на ноги. Было далеко за полночь, но он никуда не торопился. От рассказанного инспектором мурашки ползли по коже. Вместе с его собственными воспоминаниями картина получалась и вовсе страшной. Вся ночь. Вся та ночь. – Она прикоснулась ко мне... знаете, я что—то почувствовал. Неприятное. Потом – наоборот. Я не смогу описать словами.

– Виккер, у неё же была «луна». Вы что, в школе не учились? Конечно, вы должны были что—то почувствовать. Не вижу причины смеяться.

– «Луна», – Виккер усмехнулся. – Нет, это что—то другое. Я потом подумал – если бы я отказался, пришлось бы пожалеть. Сильно пожалеть.

– Потому и начали её защищать?

– Нет, инспектор, – Виккер взял чашку с кофе, подумал, отставил её. – Я испугался, но не этого. И я видел лейтенанта Майерта. Вот он был испуган – по—настоящему.

* * *

– На ровном месте, – Майерту пришлось дать успокоительного. – Перевернулись на ровном месте. Сразу же загорелись... я не знаю, как выбрался. Потом... – ему дали стакан с водой, лейтенант чуть не захлебнулся.

– Их машина перевернулась, – мрачно заметил незнакомый Тоэну патрульный. – На малой скорости, на ровной дороге. Криссену досталось сильнее всего. Кусок стекла, – патрульный показал размеры, – воткнулся в живот. Долго умирал, успел отползти на обочину. Плохая смерть.

Будто бывает хорошая, подумал Виккер.

– В канаве, – пробормотал Майерт, лицо которого было белее снега. – Умер в канаве... в грязи.

Из «клетки» послышался смех.

Майерт попытался отпрыгнуть – прижался к стене, глядя на альбиноску.

Та отбросила санитаров – легко, словно те были невесомы, и, держась за прозрачную стену «клетки», хохотала, глядя на Майерта. У Виккера тут же отнялись ноги. Глаза девушки были нечеловеческими, жуткими – кровавые светящиеся круги с золотыми прожилками. Майерт смотрел в её глаза, не отрываясь.

– Испугался, – произнесла задержанная медленно, низким голосом, и свалилась. Её едва успели подхватить.

– Всё, забираем, – старший дал знак, один из санитаров прижал к шее «пациентки» шприц, нажал на спуск. Девушка даже не шевельнулась. – Хватит. Лейтенанту тоже нужна помощь. Давайте, помогите ему дойти до машины.

– Нет! – сумел крикнуть Майерт. Он явно потянулся к оружию, но патрульный и Тоэн схватили его за руки, вынудили усесться на стул. – Не с ней! Уберите её! Уберите отсюда!

Виккер смотрел, как лейтенанту делают укол и помогают подняться на ноги. И слышал, вновь и вновь, его шёпот. «В канаве... в грязи».

* * *

– Не нравится мне, как ты выглядишь, – хмуро заметила Хольте. Эль—Неренн осунулась, стала белее обычного. – Может, вызвать «Скорую»?

– Нет, – эль—Неренн закрыла глаза. – Плохие воспоминания.

– Посидеть с тобой?

– Да, немного, – эль—Неренн приоткрыла глаза. – Я же говорила, со мной спокойно.

И всё. Минуты через три она заснула. Хольте оставила ночник включённым и тихо вышла наружу. У неё дрожали руки. То, что Ньер шептала, сидя там, в ванной, испугало их обеих.

6. Юридические тонкости

Эль—Неренн открыла глаза. Солнце ещё не встало, но в комнате уже было светло.

Странно, подумала девушка. Я выпалась. Давно уже не выпалась.

Вошла в ванную комнату, в своём «номере», и замерла.

Зеркало. Взгляд в него, если не смотреть себе в глаза, ничем особенным не грозил. А сейчас – стоило лишь мельком посмотреть, как закружилась голова. Эль—Неренн отвернулась, закрыла глаза. Досчитала до десяти. Осторожно глянула в зеркало – боковым зрением.

Ноги тут же перестали держать. Успела выставить руки и ухватиться за край ванны – иначе бы рухнула лицом вниз.

– Я схожу с ума, – произнесла эль—Неренн – чтобы слышать собственный голос. Ощутила, насколько испугана.

Пробовать в третий раз не стала. Накрыла зеркало полотенцем и включила в душ. Едва не заснула – настолько стало хорошо.

Вышла в спальню и... снова зеркало. На стене, рядом с платяным шкафом. «Ударило» не очень сильно, но ноги подкосились. На этот раз эль—Неренн решила держаться, сколько получится. Схватила за шкаф, стиснула зубы и смотрела на своё отражение – на лицо, не в глаза – ощущая, что сердце стучит всё сильнее, а в ушах нарастает звон.

Всё кончилось неожиданно. Взяло – и кончилось. Эль—Неренн отпустила шкаф, отошла в сторону. Вернулась и вновь посмотрела в зеркало.

Ничего.

Взглянула в глаза отражению. Тут же отвела взгляд.

Ничего. Совсем ничего – раньше она почувствовала бы слабый укол где—то на затылке.

– Я тебя не боюсь, – прошептала девушка, ещё раз встречаясь взглядом с отражением.

Отражение кивнуло.

Эль—Неренн зажмурилась, едва не вскрикнула. Огромным усилием воли заставила себя разжать веки, вновь посмотреть самой себе в глаза.

– Я тебя не боюсь, – повторила она, громче.

Секунда, вторая, третья...

Ничего. Отражение вело себя, как и положено.

Эль—Неренн отвернулась, медленно опустилась на пол. Прошло немало времени, прежде чем смогла встать и одеться.

* * *

– Плохо спала? – поинтересовалась Хольте. Сама она точно плохо спала – круги под глазами, налитые кровью глаза. И запах каких—то капель. Обоняние вернулось, поняла эль—Неренн.

– Нет, спасибо. Выспалась.

– У тебя странный вид. Что—то случилось?

– Зеркало, – неохотно ответила эль—Неренн.

– Что именно с зеркалом?

Эль—Неренн опустила взгляд, не отвечая. Хольте подождала, кивнула и подошла к плите, где варился кофе.

– К врачу меня уже отправляли, – эль—Неренн подняла взгляд, кивнула, когда перед ней поставили чашку. – Много раз. Больше не хочу.

– Я и не...

– Нет, собиралась. Хольте, я не хочу говорить о зеркалах.

Есть эль—Неренн отказалась, хотя было видно, что голодна.

– Мне нужно уехать – часов до двух, – сообщила Хольте. – Думаю, успею закончить с бумажками. Ты собираешься куда—нибудь?

Эль—Неренн покачала головой.

– Не решила. Думаю, нет. Посижу здесь, если можно.

Хольте кивнула.

– Телефон и всё остальное ты видела, найдёшь. Если захочешь уйти – Виккер просил, чтобы ты предупредила его или меня.

* * *

Два часа сна.

Эль—Неренн села в кресло в той гостиной, где накануне они разговаривали... и словно выключилась. Без сновидений, без всего. Чёрный провал. И – открыла глаза, глянула на часы. Девять двадцать утра.

Проходя мимо зеркала в коридоре, замедлила шаг. Ничего.

Взглянула отражению в глаза. Ничего. Ни покальвания, ни ощущения беспокойства. Словно та, что всегда смотрела с той стороны, куда—то отлучилась.

– Где ты? – шёпотом спросила эль—Неренн, глядя на губы отражения. Те шевельнулись, как и её собственные. Ничего особенного.

Ну и ладно. Так даже спокойнее.

В холодильнике отыскалось много интересного. Страшно хочу есть, подумала эль—Неренн, взяла две упаковки чего—то мясного, не особенно вчитываясь. Положила в печь. Через пятнадцать минут будет готово.

Сразу было видно, что здесь долго не жили. То, как расставлены вещи, то, какая техника здесь. Хольте не обманывает, она здесь совсем недолго.

Вот её комната. Заперта... нет, просто закрыта. Эль—Неренн некоторое время думала, но не стала входить. Чувствую... чувствую Лас—Тесан. Девочка была здесь. Недолго, но была.

Эль—Неренн направилась в восточную гостиную – ту, что возле входа. Кресло. Здесь Лас—Тесан сидела, сидела долго. Читала? Полка для книг рядом – дотянется даже человек её роста.

Читала и переживала много эмоций. Ощущается даже сейчас... точно, обоняние вернулось. Проклятый «угомон». Отсекают органы чувств, запирают человека внутри самого себя. Большого наказания и не нужно – все эти уборки мусора и работа в саду, скорее, наоборот – хоть какая—то отдушина. И никакого общения. Современный, гуманный способ вернуть нарушителей закона в его рамки.

Здесь Лас—Тесан стояла, и была чем—то очень недовольна. Эль—Неренн опустилась на колени. Прижалась лбом к дверному косяку. Точно, здесь стояла, держась ладошкой за стену. Не очень давно.

«Вряд ли ты простишь меня». Она собиралась застрелиться. Это было видно. У неё был взгляд человека, который потерял всё, у которого под ногами не осталось опоры.

Мелодичный сигнал, с кухни. Можно идти завтракать.

* * *

Эль—Неренн думала, не разобрать ли свои чемоданы – полностью – когда зазвонил телефон. Интересно, кто это? Вызывающий – седовласый широколицый человек в чёрном костюме, с короткими усиками. Кого вызывает?

Эль—Неренн прижала ладонь к сенсорной пластине. Вызывают её, не хозяйку квартиры.

– Слушаю, – решила она, наконец, коснувшись кончиком пальца пометки «ответить».

– Нотариальная контора Беассор, теаренти. Я Вигел Беассор, её владелец. Очень рад, что застал вас.

Эль—Неренн кивнула.

– Мы обнаружили принадлежащее вам имущество, теаренти. Если вы располагаете временем, я мог бы сопроводить вас, чтобы вернуть вам его.

– Имущество? – эль—Неренн была поражена и не скрывала этого. – Какое имущество?

– Некоторые личные вещи. Я не могу перечислять их по телефону, теаренти. Ваш телефон может принять мою визитную карточку. Нажмите на серый квадрат, пожалуйста. Спасибо.

На полку перед телефоном выскользнула небольшая карточка. Сильно пахнущая краской. Интересный у Хольте телефон...

Карточка. Изображение владельца. Ого! Позволяет сделать три телефонных звонка – за счёт того, кто изображён на карточке.

– Ваши вещи будут храниться в хранилище банка полгода, – добавил Вигел. – После этого их перевезут на центральный склад. Тогда вы сможете получить их в течение недели. Благодарю вас, теаренти. Буду рад вашему звонку.

Эль—Неренн вежливо попрощалась с ним и тут же набрала номер Виккера. Адвокат ответил не сразу – видимо, звонок застал его в пути.

– Беассор? – переспросил он. – Да, это надёжный человек. Очень интересно, очень. Думаю, вы можете съездить – если есть время. Прямо сейчас? Да, вызову вам машину. Запомните номер... – Виггер продиктовал цифры. – Удачи. Обязательно позвоните, когда вернётесь.

«Вы должны присутствовать на суде. Обязательно должны». Такая забота – только потому, что она свидетель? В случае с Виггером – вряд ли. Эль—Неренн прекрасно понимала, сколько хлопот доставляет ему. Но от Виккера, когда он был рядом, постоянно исходило нечто... успокаивающее. Ободряющее. И казалось, что он говорит ей меньше приятных слов, нежели хотел бы.

Вигел отозвался немедленно.

– Буду ждать вас, – кивнул он. – Адрес на карточке.

* * *

Такого уважительного отношения к своей персоне эль—Неренн давно не испытывала. Конечно, людей удивляли её волосы, цвет кожи и глаза, без этого никак.

Переходы, переходы... три раза её просили прижимать ладонь к сенсору. Один раз – в присутствии Вигела – ответить на несколько показавшихся странными вопросов – что помнит о местности, где жила в детстве, в таком духе. Не очень приятные вопросы.

И вот, наконец, отворилась массивная дверь хранилища. Одной из секций.

Эль—Неренн замерла на пороге.

Книги. Много книг – с полсотни, не меньше. Несколько коробок – пахнет тканью и пылью – одежда? Что—то ещё.

– Мы провели самое тщательное исследование, теаренти, – Вигел остался с той стороны. – Это вещи, принадлежавшие либо вам, либо вашим родителям.

– Вы сумели найти их... найти родителей? – эль—Неренн резко обернулась. Вигел снял очки, поморгал, покачал головой.

– Боюсь, что нет, теаренти. Они всё ещё считаются пропавшими без вести. Но поиски продолжаются. Этим занимается не моя контора, я не могу сообщить вам большего.

– Я могу... забрать это?

– Разумеется. Всё или частями. Аренда ячейки оплачена за полгода, теаренти. Можете не торопиться.

– Но кто оплатил? Кто собрал всё это?

– Я не могу открыть вам имён, – Вигел наклонил голову. – Знаю только, что все сведения о ваших родственниках получены от иммиграционной службы.

Виггер, подумала эль—Неренн. Несомненно, он.

– Подождите, – попросила она, прижимаясь спиной к двери. – Мне нужно немного успокоиться.

– Прекрасно понимаю. Может, проводить вас наверх, где можно посидеть?
– Нет, я хочу остаться здесь.

Вигел кивнул.

– Я буду наверху. Сообщите дежурному, когда примете решение.

* * *

– Виккер, где вы нашли всё это? – спросила эль—Неренн вместо приветствия. – Я знаю, это вы.

– Я?! – удивился адвокат. – Почему вы так решили?

– Я знаю, – эль—Неренн улыбнулась. Смахнула слёзы ладонью. – Ладно, можете не признаваться, всё равно не признаетесь. Большое спасибо. Сколько это стоило?

Голос Виккера сразу же стал жёстким.

– Эль—Неренн, мы же договорились, что о финансовых...

– Да, помню. Извините. Хорошо, не вслух. Узнайте, если возможно, во сколько это могло бы обойтись – тому, кто искал.

– Попробую, – Виккер, судя по тону, улыбнулся. – Надеюсь, вы довольны.

Это ты, подумала эль—Неренн. Непонятно только, каким образом. Откуда? Она пролистала каждую книгу – повсюду был знак, клеймо владельца. Иногда ей даже чудилось, что сохранился запах – след прикосновения. Но это было не так. Где бы ни были эти книги, они сумели впитать в себя столько разных запахов, что отыскать в этой смеси что—то старое, почти забытое...

Она всё ещё сидела у себя в комнате, разложив вновь обретенные сокровища вокруг, на полу, когда вернулась Хольте.

– Всё сделала, – сообщила она. – Теперь можно и... откуда это?

Эль—Неренн рассказала. Вкратце.

Хольте покачала головой.

– Чудеса. Рада за тебя. Можно будет посмотреть на твою библиотеку?

Эль—Неренн кивнула.

– Если хочешь, я оставлю её там, в гостиной. Правда, книги очень пыльные.

– Вычистим. Завтра выхожу на работу. Придумала, чем будешь заниматься? Извини, что спрашиваю – я хорошо знаю город. Могу подсказать, где что находится.

Эль—Неренн усмехнулась.

– Я тоже хорошо знаю. Особенно те места, где не нужно появляться.

– Раз уж заговорили... мне поручено сопровождать тебя. Когда ты будешь выходить в город.

– Тебе?!

Хольте смахнула упавшую на лоб прядь волос.

– Мне. Инспектор настоял. Я, знаешь, теперь тоже знаменитость. Не такая, как ты, конечно. Обещаю не слишком мозолить глаза.

Эль—Неренн молча шагнула к Хольте, обняла её. Закрыла глаза. Отпустила, отступила на шаг.

– Она не хотела уезжать отсюда? – спросила она тихо, глядя в глаза своей хозяйке. – Твоя дочь?

Хольте приоткрыла рот от удивления.

– Откуда ты... Верно. Мы с ней даже поругались. Хотела остаться здесь, со мной. Я не хотела говорить с тобой при ней.

* * *

– Ты знаешь, что ты красивая? – неожиданно спросила Хольте, помогая эль—Неренн разбирать, чистить и расставлять книги по полкам. Энциклопедии, мифологические словари, сборники стихотворений и легенд, – это были старые книги. Многим уже нужна помощь пере-

плётчика. А из новых – детективные романы, очерки натуралистов. Видно, что новые книги собраны случайно.

– Я? – эль—Неренн выпрямилась, тряхнула головой. – И ты туда же?

– Но ведь...

– Никакая я не красивая, Хольте. Как здесь говорят – из полена вырублена? Я уже привыкла. Видела, как на меня смотрят. Знаю, почему.

– Это не так, – Хольте тоже поднялась на ноги, обошла вокруг эль—Неренн. – Одежда, Ньер. Тебе просто нужно правильно одеваться. Может, чуть—чуть иначе ходить. Ты про волосы и глаза? Это тоже можно изменить, если захочешь. Но ты и без этого можешь выглядеть очень хорошо.

Эль—Неренн долго смотрела ей в глаза.

– Да, могу. Но не хочу. Я знаю, сколько это стоит. Да и зачем мне это?

Хольте выдержала её взгляд.

– Показалось, что ты хотела бы выглядеть иначе. Я знаю несколько мест, куда можно зайти. Если надумаешь.

Эль—Неренн молча смотрела на неё, затем улыбнулась.

– Хорошо. Тогда пошли.

Хольте выронила книгу, но сумела подхватить её.

– Прямо сейчас?

– Ты сама предложила. Я ведь могу и передумать.

* * *

– Куда—то ездили? – поинтересовался инспектор, когда Виккер приехал к нему домой. – Вас два дня не было в городе.

– Следите за мной?

– За всеми, кто связан с нашей общей знакомой.

– Деловая поездка, – подтвердил Виккер. – Север Тераны. Отменил все дела на завтра – устал невероятно.

– У меня как раз есть пара бутылок вина, коробка с кофе, чай... Хотите чая?

– Ого! – Виккер с интересом посмотрел на инспектора. – Откуда чай? Из Тессегера?

– Нет, с Архипелага. Никогда ещё не пробовал. Составите компанию?

– По какому поводу пируем? – поинтересовался Виккер, проходя вслед за хозяином дома на кухню. – Повышение по службе?

Инспектор чуть не выронил банку.

– Вы что, у эль—Неренн научились? Кто вам сказал?

Молодой адвокат рассмеялся.

– Я тоже слежу за вами, Тигарр. Начальник криминальной полиции района, верно?

– Верно. Через два дня сяду в новое кресло. Тоэна с собой заберу – где ещё такого найдёшь.

– Ну, на новом месте у вас будет доступ к архиву. Всё автоматически, сплошная электроника.

– Тоэн лучше всякой электроники, – инспектор жестом пригласил садиться. – Ладно. С чая и начнём.

– Вы всё ещё не ответили, Тигарр, – Виккер откинулся на спинку стула. Пахло приятно. Очень приятно. Эта коробочка встала инспектору в половину его прежнего жалования... Должно быть, он очень долго ждал повышения. – Зачем вам мои рассказы? Почему вам так интересна её жизнь?

– У меня есть предположения, зачем она здесь, – Тигарр уселся напротив. – Просто предположения. Знаете, очень хорошо всё укладывается в одну картину. Я посетил за неделю много мест, где эль—Неренн бывала или работала. Пока что всё согласуется.

– С чем, если не секрет?

– Я расскажу. После вас. Та, новогодняя ночь... вы не рассказали о ней. У меня только отчёты о визите в дом Рекенте, но там почти ничего нет.

– Да уж, та ночь, – адвокат поморщился. – Никогда не забуду. Мы отвели девочку в другую комнату, дали успокоительное. Она сразу же уснула. С ней вообще хлопот больше не было. А вот эль—Неренн...

– Никаких лекарств, – резко ответила эль—Неренн. Она всё ещё была в зимнем пальто, но её, не переставая, била дрожь. – Никаких врачей. Не позволю к себе прикасаться.

Виккер жестом остановил полицейского и врача – молодого, недавно прибывшего в город. Не повезло – дежурить под Новый год.

– Теаренти, – врач, Эйзенн, присел, глядя в глаза девушке. – Мне необходимо взять у вас анализ крови. Это больно, но совсем немного. Мы не сможем помочь вам, если не узнаем, что за укол вам сделали.

– Только анализ крови?

– Только это.

Эль—Неренн взглянула в глаза Виккера. Тот кивнул. На столе перед ним был чемоданчик – тот самый, чемоданчик домашнего врача госпожи Рекенте. Полицейские уже успели снять отпечатки пальцев со всего, с чего только было можно. Отпечатки пальцев и индивидуальные маркеры – там, где удалось обнаружить.

Эль—Неренн уселась, протянула врачу руку. На лице её ничто не отразилось – даже, когда игла пронзила кожу. Словно совсем ничего не чувствовала. Прижала к ранке ватку, по—прежнему не меняясь в лице.

– Через десять минут будут первые результаты, – врач поднялся на ноги. – Теаренти, может потребоваться принять лекарства. Всё зависит от того, что мы там найдём.

Эль—Неренн подумала и кивнула.

– Почему меня не арестовали? – спросила она безжизненно, опуская взгляд. В комнате остались она и Виккер. Все прочие удалились в соседнюю комнату и вполголоса что—то обсуждали там. Прибыло ещё четверо полицейских – эль—Неренн заметила их. Кто и зачем их вызвал – она не знала.

– Эль—Неренн, – Виккер осторожно прикоснулся указательным пальцем к её ладони. – Я могу ответить на все ваши вопросы. Но лучше, поверьте мне, если мы поговорим завтра. Сейчас вам ничто не угрожает.

– Нет, – она подняла голову, взгляд её оказался холоднее льда. – Сейчас. Я украла девочку, угнала машину, напала на хозяйку дома, на её охрану, много чего сделала.

– Дом Рекенте не подтверждает эти обвинения, – последовал ответ. Девушка вздрогнула.

– Что?!

– Беррон, доверенное лицо Аллирон ан Рекенте, связался со мной. Его курьер прибывает минут через тридцать. Со всеми документами.

– Что он сказал? – губы эль—Неренн дрогнули. – Почему не подтвердил обвинения?

– Завтра, – голос Виккера стал сухим. – Я могу изложить суть его звонка, но подробно – завтра, прошу вас. Это долгий разговор. Пока что поверьте: вам ничто не угрожает. Вы верите мне?

Эль—Неренн смотрела сквозь него, не выдавая никаких мыслей.

– Верите мне, эль—Неренн?

Она кивнула.

– Что он сказал? – голос её дрогнул, лёд покинул его.

– Дом Рекенте сообщает, что в награду за примерную службу и в качестве подарка на день вашего рождения, вам было разрешено прекратить службу у них – досрочно – либо получить

новую должность. Вы предпочли прекратить службу. Вам было разрешено съездить с внучкой госпожи Рекенте – увидеть новогодние празднества. Дом также выплачивает вам премиальные и надеется, что вы измените решение о прекращении работы – сейчас или в будущем. Все документы, подтверждающие сказанное Берроном Терван эр Те—Менри доставит курьер, сюда, в участок. Ваши личные вещи будут доставлены по указанному вами адресу по первому вашему требованию.

– Что?? – эль—Неренн облизнула губы. – Это невозможно!

– Это возможно, – Виккер постучал ладонью по папке. – Это именно то, что он сказал.

– Вы шутите?!

– Такими вещами не шутят, – Виккер выглядел очень обеспокоенным, серьёзным и сосредоточенным.

Эль—Неренн спрятала лицо в ладонях. Посидела так несколько минут.

– Я ничего не понимаю, – она попыталась улыбнуться. Улыбка у неё не вышла. – Что происходит?

– Завтра, – Виккер вновь прикоснулся к её ладони. – Я отвечу на все вопросы. Сейчас врач осмотрит вас, я отвезу вас в безопасное место, и вы выспитесь.

Он встал.

– Виккер, – эль—Неренн опустила голову. – Не оставляйте меня одну. Пожалуйста.

Виккер молча протянул ей руку, помог подняться, пройти в соседнюю комнату – там, где Эйзенн и другие полицейские склонились над экраном анализатора. В углу комнаты нашёлся стол и два кресла. В одно из них опустилась девушка, Виккер сел рядом. Свой портфель он положил на стол.

В кармане у него пискнуло.

– Курьер прибыл, – сообщил адвокат. – Он вас не увидит. Я всё сделаю сам. Побудьте здесь и ничего не бойтесь.

– Вы серьёзно? – Тигарр встал. Потёр лоб. – Они решили её отпустить? Ушам своим не верю.

– Совершенно серьёзно, – Виккер поднял взгляд. – Бумаги были в полном порядке, Беррон никогда не ошибался. Ни в одной букве. Дом Рекенте предпочёл замять дело.

– Что с девочкой?

– Аголан Рекенте по—прежнему единственная законная наследница дома. Госпожа ан Рекенте очень любит свою внучку. Это правда, Тигарр. Я постарался выяснить всё, что можно об Аллирон ан Рекенте. О «Старухе», как вы её зовёте. Очень запутанная история, инспектор. Крайне запутанная.

– Да знаю я, знаю, – инспектор раздражённо махнул рукой. – Про Старуху можно книги писать. Если бы умел, написал бы. И про её благотворительность, и про её преступления. Про всё. Как это в одном человеке уместается, понять не могу.

– Преступления? Ничего не было доказано.

– Слушайте, Виккер, вы же всё понимаете. Это не допрос, я дал слово, что всё останется между нами. У меня есть статистика – сам собирал. Пятьдесят девять пропавших без вести людей. Восемнадцать эпизодов, аналогичных эпизоду с Хольте. Незаконное использование человеческих тканей в качестве донорских. И ни одного доказательства. Это только то, что я сам откопал. Наверняка там больше. Сварить кофе?

Виккер кивнул.

– Намного больше. Но нам нужны неопровержимые доказательства хотя бы одного эпизода. Понимаете? Неопровержимые. Преступник никогда не может убрать все улики. Во всех случаях. Когда—нибудь да ошибается. Ан Рекенте не ошиблась ни разу.

– Иными словами, ей помогают. Я и сам догадался.

– И помогают очень влиятельные люди. Боюсь, это давно уже политический вопрос. Если мы попытаемся обвинить дом Рекенте, не осознавая, на что идём, завтра, возможно, просто перестанем существовать. Исчезнем из истории.

– И вы её боитесь, – Тигарр разлил кофе по чашкам.

– Я осознаю степень риска, – возразил Виккер. – Я иду на риск, когда дело того стоит. В данном случае – никаких шансов. В настоящий момент.

– Понятно. Осталось немного – зачем вы повезли её в дом.

– Идиотская идея, – Виккер потряс головой. – И не моя. Я сразу сказал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

* * *

– Слышал о вас, читал о вас, – владелец салона лично вышел встречать эль—Неренн. – Рад, что посетили нас. Если позволите, помогу выбрать ваш новый облик. Вам и вашей подруге, – короткий поклон в сторону Хольте.

– О, нет, теариан—то, – Хольте вернула поклон. – Только ей. Мной займётся в другой раз.

– Как пожелаете, как пожелаете, – хозяин салона вручил ей карточку. – В любое время. Желаете присутствовать? Следуйте за мной, пожалуйста.

– Это надолго? – шепнула эль—Неренн, чувствуя себя страшно неудобно. – Я не знаю даже, как себя вести.

– Интуиция, – подмигнула Хольте, сама не ожидавшая подобного приёма. – Доверься ей. О времени не думай – торопиться некуда.

Эль—Неренн не раз видела этого человека – коротко стриженного, высокого, немного сутулящегося, всегда одевающегося в чёрно—белое, с короткими седыми усами. Родом, несомненно, с Тераны, с дальнего юга. Но имя его она вспомнила не сразу.

* * *

– Договор не оформлен по всем правилам, – Виккер поднял стопку бумаг, не забыв надеть перчатки. – Но в случае с домом Рекенте это не обязательно. Вы дали согласие в присутствии двух свидетелей. Это всё равно, что подписать договор и заверить у нотариуса.

– Они могут потребовать, чтобы я вернулась? – поинтересовалась эль—Неренн, сжав зубы. – Через суд?

– Судя по тому, что они отказались от всяких претензий – вряд ли. Но договор очень плохой, теарин. По сути, это рабство. Приукрашенное, со множеством привилегий, но – рабство. Госпожа ан Рекенте распоряжалась бы вашей жизнью, имуществом и всем прочим. Не навсегда, но вы понимаете, как легко было бы продлить подобный договор.

– И нет возможности разорвать его? Освободиться?

– Есть способы. Можно выкупить свою свободу. Тут есть этот пункт. Разумеется, изложено иными словами. Вряд ли бы вы смогли собрать столько денег, не покидая дом Рекенте.

– «Способы». Что ещё? Кроме выкупа.

– Elain set—a elain. Знаете, что это означает?

– «Кровь за кровь», – медленно выговорила эль—Неренн. – Что... я должна привести кого—то вместо себя?

– Или оставить им ребёнка. Тут есть и такой пункт. Если в доме рождается ребёнок и вы являетесь его матерью или отцом – в зависимости от пола – вы можете прекратить службу в доме, немедленно. Ребёнок остаётся в доме. Кроме того, дом выплачивает вам вознаграждение. Весьма щедрое.

– Остаётся... как собственность дома?

– Верно, теарин. Поймите, законы дома на территории дома имеют преимущество. Формально всё изложено так, что рабством не назвать. Претензий предъявить невозможно.

Эль—Неренн вновь спрятала лицо в ладонях.

– Я ведь читала договор, – сообщила она, не отнимая рук. – Там не было ничего подобного.

– Старый трюк, теарин. Кроме того, предполагалось, что вы будете под действием наркотика. Извините, мне нужно поговорить с врачом. Оставайтесь здесь.

Они говорили, не слишком повышая голос, и эль—Неренн, невольно, стала прислушиваться.

– ...Под наблюдением, – Эйзенн. – Думаю, это улика. Подобные препараты должны использоваться только в клиниках. Только по предписанию лечащего врача, только при наличии подписанного пациентом согласия на использование. Девушку необходимо полностью обследовать – я постараюсь проделать это анонимно.

– То, что ей ввели, не действует, как ожидалось? – Виккер.

– Верно, теариан. Полчаса назад у неё должна была наступить третья фаза. Активная фаза. Но препарат не подействовал – хотя доза почти вдвое выше рекомендуемой. Не знаю, откуда такая стойкость.

– Вы сказали «третья фаза»? – эль—Неренн возникла рядом с ними. Эйзенн опустил голову.

– Теаренти, это...

– Я знаю, что такое «третья фаза». Книжки читаю. У кого она должна была наступить – у меня?

– Да, – Эйзенн поднял голову. Выдержать взгляд девушки было непросто.

Эль—Неренн отступила на шаг, прижала ладони к животу.

– Она... хотела, чтобы я... чтобы у меня, сегодня...

– Боюсь, что так, – Виккер осторожно взял её за локоть. – Прошу, успокойтесь. Ничего этого не случилось.

– Племенной скот, – эль—Неренн выглядела изваянной из льда. – Сегодня вечером. Я – племенной скот. Кто должен был стать отцом?

– Кто—то из тех, кто был в доме в тот вечер, – Эйзенн подошёл к ней. – Препарат действует недолго. Вы ничего не вспомнили бы, через час. Присядьте, пожалуйста. Использование такого препарата было незаконным. Во всех смыслах.

Эль—Неренн, похоже, не видела и не слушала их.

– Внук, – произнесла она. – Он увидел меня, он удивился. Это он.

Эйзенн и Виккер обменялись тревожными взглядами. Эйзенн сделал знак вновь прибывшим – четырём полицейским из отдела особого назначения. Одна из них, темноволосая и темнокожая, направилась к ним.

– Она решила за меня, – эль—Неренн встретила взглядом с Виккером. – Она всё решила. Всю мою жизнь. Взяла – и решила, Виккер.

– Вы сумели предотвратить это, – Виккер сильнее сжал её локоть. – Прошу, присядьте. Вам нужно успокоиться.

– Я убью её, – объявила эль—Неренн спокойно, словно пообещала прийти в гости, по—дружески. – Я убью эту тварь.

– Прошу вас, не...

Во мгновение ока эль—Неренн из изваяния превратилась в ураган. Удержать её удалось, но ненадолго.

– Помните запись событий, там, у карцера? – Виккер встал, подошёл к окну. Небо быстро темнело – от солнца оставалась лишь слабая полоска, тонущая за горизонтом. – Это было примерно то же. Я не понял, что случилось. Чудо, что она никого не убила. Капитану, правда, вывихнула руку и чуть не сломала палец. Я боялся, что они её застрелят.

– Реакция у неё необыкновенная, – Тигарр кивнул. – Это тоже вписывается в мою картину. Что было дальше?

Виккер вскочил на ноги. Женщина—полицейский тоже поднималась на ноги – и ей, и Эйзенну удалось отделаться ушибами. Из соседней комнаты слышались звуки борьбы.

– Не силой! – Виккер не сразу обрёл голос. – Прошу, не надо! Не удерживайте её силой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.